

Кир Булычев Подземелье ведьм

Андрей Брюс – 2



Вторая часть приключений Андрея Брюса

Это истории о приключениях человека, который не любил приключений. Истории о подвигах героя, ненавидевшего героизм. Истории о космических странствиях легендарного агента КФ – Андрея Брюса, истории контактов с внеземными цивилизациями и войн с жестокими пришельцами – 'чужими'. Истории, в которых есть все, что должно быть в действительно хорошей фантастике, – погони и сражения, дружба и отвага, блестящий юмор, точная, глубокая мысль – и свободный полет неподражаемой фантазии Кира Булычева...

Поздно вечером с корабля «Гранат», который находился на орбите, заметили большой пожар. Пожар бушевал в степи, где располагалась исследовательская станция. В тот момент на станции было семь сотрудников и один гость – Андрей Брюс. Брюс отправился на планету на корабельном катере, чтобы отвезти почту и оборудование для станции, забрать образцы и заболевшего сотрудника. Было договорено, что Андрей Брюс останется на станции до утра.

На «Гранате» не нашлось никого, кто бывал на планете, и представление о ней оказалось самое общее. Известно лишь, что обитатели степи – дикие кочевники – постоянно воюют между собой.

Пожар, замеченный с «Граната», был не первым. За этот вечер на пункте связи зарегистрировали, по крайней мере, четыре пожара. Один большой – горела степь, три малых – результаты набегов и стычек.

Станция была надежно защищена от нападения дикарей, и поначалу пожар никого не встревожил. На всякий случай дежурный радист вызвал станцию, чтобы спросить, не требуется ли помощь.

Станция не отвечала. Радист доложил об этом вахтенному. Вахтенный приказал выпустить «глаз» – спутник наблюдения и остался в узле связи, тогда как радист продолжал вызывать станцию.

«Глаз» спустился к поверхности планеты и передал видеoinформацию. Станция горела.

Пылали конусообразные, схожие с шатрами кочевников здания. Огонь охватил даже планетарный катер, который стоял метрах в пятидесяти от шатров. Можно было угадать какие-то фигурки, что металась среди факелов. Дым, черный, густой и жирный, скрывая пожарище, тянулся на несколько километров.

Вахтенный разбудил капитана и распорядился готовить к вылету второй планетарный катер. На лайнере по штатному расписанию положено иметь два катера, один из которых в оперативной готовности. Но он-то и горел сейчас внизу, поэтому несколько лишних минут ушло на подготовку второго.

Капитан подтвердил распоряжения вахтенного. На катере отправились врач, второй штурман Гришин и два инженера.

Пока готовили катер, выдавали оружие и грузили медикаменты, на мостике шла оживленная дискуссия: что же могло случиться. Даже если случайно в каком-то из шатров возник пожар, его должны быстро загасить пожарные автоматы. Да и вряд ли можно ожидать настолько внезапного пожара, чтобы он помешал станции выйти на связь с «Гранатом». Возможно, на станцию кто-то напал, и это нападение застало врасплох даже опытного начальника станции Конрада Жмуду и капитана Космофлота Андрея Брюса, который после нескольких лет службы агентом Космофлота на планете Пэ-У летел в Центр, чтобы получить корабль.

Андрей был человеком энергичным, вынужденное безделье на борту «Граната», который неспешно передвигался от планеты к планете, снабжая их экспедиции и сменяя ученых, его томило. Когда он предложил отправиться на планету, подменив штурмана, капитан «Граната» был рад оказать Андрею такую услугу. Теперь же получалось, что эта услуга могла обернуться для Андрея бедой.

Планетарный катер спустился рядом со станцией примерно через полтора часа после того, как на «Гранате» впервые заметили пожар.

Пожар уже кончался – пламя сожрало все, что было ему подвластно. От шатров станции остались лишь черные остовы, катер выгорел даже изнутри.

Среди углей и пепла удалось отыскать четыре трупа. В одном опознали Конрада Жмуду, три других были в таком состоянии, что опознать их можно будет лишь в Галактическом центре. Несколько в стороне от сгоревших шатров была найдена Ингрид Хан, сотрудница станции, геолог. Она была в тяжелом состоянии.

Пока врач старался оказать на месте первую помощь, а один из инженеров снимал

фильм, чтобы потом на корабле установить истину, штурман со вторым инженером пошли к заросшей кустарником ложине. В этой ложине «глаз» обнаружил несколько небольших, обтянутых шкурами шатров – там обитали кочевники.

Штурман и его спутник осторожно подошли к шатрам. Возле шатров их встретили обитатели этих жилищ – грязные, первобытные, почти обнаженные люди, которые знаками отрицали свою причастность к гибели станции, повторяя слова «Октин Хаш». Тем не менее подозрение с дикарей не было снято, потому что штурман заметил в становище некоторые предметы со станции. Лица и руки большинства дикарей были измазаны сажей. Ясно, что они побывали на пожарище.

«Глаз» тем временем обследовал окрестности станции. Удалось увидеть и сфотографировать несколько трупов кочевников. Среди них не было ни одного из трех исчезнувших сотрудников станции. Не исключалось, правда, что они тоже погибли в пожаре.

Недалеко от станции было обнаружено логово хищных ящеров, именуемых тираннозаврами. Возникло предположение, что станция погибла от их нападения, тем более что у самой границы станции были замечены следы такого ящера, каждый след около метра в поперечнике.

Дальнейшие поиски пришлось прервать, так как врачу не удалось привести в сознание Ингрид Хан, и она могла в любой момент умереть. Решено было срочно вернуть катер на корабль, а с рассветом возобновить поиски. «Глаз» же продолжал находиться над степью, регистрируя передвижения кочевников.

Всю ночь на мостике расшифровывались и изучались снимки, сделанные «глазом». Однако в группах всадников и на становищах не удалось увидеть ни одного из землян.

Утром катер вновь отправился на планету. Он опустился возле большого становища, километрах в тридцати от станции. Становище готовилось к перекочевке, и люди с корабля были встречены враждебно. Искать землян в скопище людей, которые запрягали повозки, складывали кибитки, собирали утварь, готовили пищу, было нелегкой задачей. Ни людей, ни предметов со станции найти там не удалось.

«Гранат» оставался на орбите. Ждали, когда очнется Ингрид Хан. Наблюдения за степью продолжались, но никого, кроме аборигенов и удивительных животных, словно сошедших со страниц палеонтологического атласа, найти не удалось. Так прошел второй день и наступил третий.

С каждым часом надежда найти Андрея Брюса и двух сотрудников станции становилась все более эфемерной...

2

Андрей Брюс был благодарен капитану, который разрешил ему отвезти на планету катер и остаться там до утра.

Катер опустился на зеленой лужайке возле группы конусов – шатров станции. Встречать его вышли все семь сотрудников.

Когда ты впервые видишь людей и знаешь, что через день расстанешься с ними навсегда, то твое внимание выделяет одно-два лица.

Андрей знаком был с Конрадом Жмудой, начальником станции. Тот за прошедшие годы раздался, постарел и полысел, но не потерял могучей энергии и уверенности очень сильного и здорового человека.

Станция была на планете уже полгода, и ее сотрудники стосковались по новым лицам. Конрад долго тискал Андрея в объятиях, словно обрел потерянного брата. Затем Андрея представили другим ученым, и взгляд его выделил красивую, сухощавую женщину в шортах и безрукавке, которая оказалась геологом Ингрид Хан.

Перед тем, как войти в шатер станции, Андрей огляделся. Стоял жаркий безветренный день. Шатры расположились на пологом склоне, что вел к озерку, окруженному зарослями тростника. Выше начиналась степь. Кое-где над ней поднимались холмы, поросшие кущами

деревьев. Трещали кузнечики, оглушительно щебетали птицы. Степь уже отцветала, но трава еще не пожелтела и источала влажные, тяжелые запахи.

В отдалении, возле деревьев, стояли люди. От текущего густого воздуха фигуры их колебались, словно плыли.

– А это кто? – спросил Андрей.

– Наши соседи, – сказал Конрад. – Беженцы. Я потом расскажу.

Они прошли внутрь конуса. Там было чуть прохладнее.

– Мы не включаем кондиционеры, – сказал Конрад, – так здоровее. А то насморки, простуды. Но ночью здесь прохладно. Ты отдыхай. Сейчас разгрузимся и будем обедать. Вечером предстоит зрелище.

– Какое?

– Ничего не скрою.

Вбежал маленький чернявый человек с трагически сошедшими к переносице бровями, бросил мешок с почтой и выхватил из-за пояса пистолет.

– Они как чуют! – крикнул он и кинулся к выходу.

– Что случилось?

Конрад открыл стенной шкаф, вынул оттуда другой бластер.

– Хочешь – погляди, – сказал он. – Только от шатра не отдаляйся. Они зубастые.

Андрей привык следовать советам опытных людей. К середине жизни понимаешь, что любопытство в самом деле порок, особенно в незнакомом месте.

От двери шатра он увидел, что над поляной кругами, быстро и суетливо, как летучие мыши, вьются темные, гадкого вида метровые создания с длинными острозубыми рылами, перепончатыми крыльями и короткими заостренными хвостами. Это были птеродактили. Порой кто-нибудь из них пикировал вниз, норовя вцепиться зубами в человека или в один из ящиков, сложенных возле катера. Конраду удалось подстрелить ящера, и тот рухнул на землю. Остальные, забыв о людях, кинулись на собрата.

Засмотревшись, Брюс не заметил, как птеродактиль выбрал объектом нападения его голову. Он так рванул Андрея за волосы, что у того из глаз посыпались слезы. Чернявый человек обернулся и выстрелил. Птеродактиль, испуская отвратительную вонь, упал на Брюса и сшиб его с ног.

Конрад подбежал к Брюсу и сказал, помогая ему встать на ноги:

– Я же просил тебя не вылезать.

– Ну и развели вы гадов, – сказал Брюс, приложив ладонь к затылку. Ладони стало тепло и мокро.

– Как воронье, – сказал Конрад. – Их тут много. Приспособились к помойкам. У каждого становища вьются.

Он поглядел на птеродактилей. Они торопились, доедали товарища.

– Теперь они нажрут и улетят, – сказал Конрад. – Как бы только соседи не заметили... – И тут же добавил: – Заметили.

К ним бежали дикари, которые волокли по траве большую редкую сеть.

– А этим что надо? – спросил Брюс, разглядывая ладонь. Ладонь была в крови.

– Ты промой рану, может быть заражение, – сказал Конрад.

– Обязательно, – сказал Брюс.

Дикари были невысоки, тонконоги, вся одежда – короткая кожаная юбка и ожерелье из зубов и камней. И странные прически: небольшой гребень поперек бритой головы. Они кричали и смеялись, белые зубы сверкали на смуглых лицах.

Ингрид вытащила из катера пластиковое полотно и с помощью чернявого мужчины начала покрывать им ящики и контейнеры, лежавшие на траве. Теплая струйка крови потекла по шее, и Брюс вытер ее. Надо в самом деле привести себя в порядок. Но кто здесь доктор?

Дикари с сетью добежали до шевелящейся кучи птеродактилей, накинули на них сеть, и когда птеродактили сообразили, что, увлекшись обедом, потеряли свободу, было поздно.

Они бились под сетью, стараясь взлететь, а мужчины дротиками и каменными топорами глушили их. Стоял страшный гомон.

– Эй! – крикнул Брюс – Ты куда?

Один из дикарей, пользуясь суматохой, подбежал к вещам на траве, откинул угол полога и потащил к себе серебряный плоский ящик. Ингрид увидела и стала тянуть ящик на себя. Ей на помощь пришел Конрад. Худой высокий мужчина в белых шортах громко увещевал грабителей. Язык, на котором он говорил, был цокающим, быстрым, отрывистым, словно стрекотание лесной птицы.

Увещевания, а, главное, неудача внезапного нападения утихомирили охотников. Еще через три минуты они удалялись, волоча сеть, полную битых птеродактилей, и с хохотом рассказывая друг другу о своих подвигах.

– Брюс, – сказал Конрад возмущенно, – я уже сказал тебе, что надо промыть рану.

3

Доктором оказалась Ингрид.

Она выбрила Андрею волосы на затылке и обработала рану, потом залила ее пластиком. Придется походить денек с этой заплатой. Но если Брюс хочет, ему можно сделать прическу как у кочевника. Жан тоже собирается...

– Зачем ему?

– Он гениальный филолог. Вы бы послушали, какие беседы он ведет со степняками. Его приняли в стаю. Теперь испортят они нашего Жана. У них нет принципов – что хорошо, а что плохо. Готовы всю станцию ограбить. Белогурочка, милейшее создание, я ее очень люблю, украла зеркало. И повесила на юбку, спереди, представляете? От их хохота мы всю ночь не спали. Вот и все. Можете идти. А то у птеродактилей на зубах бывает трупный яд.

– Я думал, что они крупнее.

– Они бывают куда крупнее. К счастью, сюда не залетают.

Пришел Конрад.

– Не жарко? – спросил он. – А то включим кондиционер.

– Нет, спасибо. А почему вы пускаете аборигенов на станцию?

– Нет, – сказала Ингрид, – в помещения мы их не пускаем.

– Дежурный на пульте всегда может включить силовое поле, – сказал Конрад. – А ночью обязательно включает.

– Конрад их жалеет, – сказала Ингрид. – Это его стая.

– А ты их не жалеешь?

– Жалею, – сказала Ингрид, – но мы ничем не можем помочь.

– Что с ними случилось? – спросил Андрей. Пластик стягивал кожу, и хотелось его содрать.

– Сегодня увидишь, – сказал Конрад. – К нам пожалует сам Октин Хаш.

– Я думаю, – сказала Ингрид, – что он пришлет своего палача.

– Приедет, – сказал Конрад. – Я с ним говорил. Он любопытен.

Андрей Брюс попросил воды, выпил маленькими глотками. Вода была свежей, родниковой.

– Наши соседи, по-здешнему – стая Белого волка, – сказала Ингрид, – кочевали раньше километрах в двухстах отсюда. Мы основали станцию в безлюдном месте. Даже вместо куполов поставили шатры, чтобы не выделяться.

– Они о нас все знали, – сказал Конрад. – Охотники сотню километров проходят в день. А верховой и еще больше.

– Они к нам приходили, – сказала Ингрид. – Мы для них другая стая. И очень богатая. Мы с ними наладили отношения – они к нам, привыкли, но приезжали нечасто. Обокрасть нас трудно, а железа мы не даем. Но потом пришел Октин Хаш.

– Кто он такой? – спросил Андрей.

– Аттила, местный Аттила, – сказал Конрад. – Он пришел со своей ордой с юга. Так нам говорили. Другие считают, что он всегда кочевал у Зеленой реки, а года два назад стал сильным.

– Ведьмы помогли, – заметила Ингрид, складывая инструменты и закрывая шкафчик. – Наша стая так считает.

– Ведьмы или организационные способности, – сказал Конрад, – но суть в том, что он сумел подчинить себе все стаи этой степи и собирается в большой поход к морю. А войны здесь простые – смерть или рабство. Стая Белого волка тоже была разбита, и остатки ее бежали к нам под крыло. Октину Хашу это не нравится, он не хочет делить с нами степь, но и не смеет напасть.

– Как же называется ваша стая? – спросил Андрей.

– Стая Железной птицы, – ответил Конрад. – Только не воображай, что нам все это нравится. Если бы не уникальная фауна, не миллион загадок, мы бы отсюда улетели.

– Соблазн велик?

– Знаешь, как кличут нашу планету в Управлении Исследований? Эвур. Эв-ур – Эволюционный урод. Здесь все сразу – триасс и мезозой, кайнозой и хомо сапиенс. Новые виды здесь появлялись, а старые не вымирали. Это не может быть, но случилось. Ради того, чтобы здесь поработать, можно пойти на переговоры даже с Октином Хашем.

Филолог Жан заглянул в медпункт.

– Там Белогурочка – сказал он. – Ее отец заболел.

– Что с ним? – спросила Ингрид.

– Был на охоте. Больше она не говорит. Табу.

– Я пойду, – сказала Ингрид. – Скажи Медее, что пирог в духовке.

– Я сам посмотрю, – сказал Конрад. – Возьми с собой нашего раненого. Ему интересно.

– Спасибо, – сказал Андрей. – Я пойду.

– Вернетесь, будем обедать, – сказал Конрад.

4

Перед выходом Конрад выдал Андрею пояс с бластером.

– Здесь много неожиданных гадов, – сказал он. – Правда, сюда они редко суются – шумно, боятся, запахи чужие. И все же залетают.

Они пошли втроем. До шатров было метров триста. Впереди шагал Жан. Он нес через плечо сумку Ингрид с медицинскими инструментами. Затем Ингрид – рука на поясе. Андрей замыкал шествие.

Спутники Андрея выглядели опереточно – легкие рубашки и шорты, широкие пояса с пистолетами на боку, высокие сапоги – типичные покорители звездных трасс из детских фильмов.

Они шли по широкой тропе. Трава была сочной, зеленой. Гудели пчелы, огромный, в пядь, зеленый кузнечик выскочил на тропинку, присел и сиганул метров на десять. Вереницей пересекали тропинку большие желтые муравьи, мелкие розовые бабочки густой стайкой вились над белыми шапками соцветий. Андрей отмахнулся от шмеля размером с кулак. Тот обиженно взревел, но отлетел.

– Они не кусаются? – спросил Андрей.

– Вылечим, – ответила Ингрид обнадеживающе.

– Все же здесь надо осторожнее, – сказал, обернувшись, Жан. – Вылечить она вылечит, но будет больно.

– А в озере вы купаетесь? – спросил Андрей.

– Ни в коем случае, – сказала Ингрид, – на это даже моего оптимизма не хватит.

– Оптимизм ни при чем, – сказал Жан. – Один раз на берег выползла такая гадина, что Конрад забрался на шатер – совершенно гладкая поверхность, а забрался на вершину. Я думал, что умру от смеха.

По скучному тону Жана трудно было представить, чтобы он умирал от смеха.

– Аксель Акопян его застрелил, – сказала Ингрид. – Шкура в столовой висит. Посмотрите.

– Нет, – сказал Жан. – Мы ее уже запаковали.

Шатры стаи Белого волка вблизи оказались жалкими поделками. Несколько жердей связаны сверху, оплетены ветками и кое-как прикрыты облезлыми шкурами.

Площадка вокруг чумов была утоптана. Удручающе воняло. Более всего от тушек птеродактилей – женщины разделявали их на открытом воздухе. Тучи синих мух реяли над ними. Женщины прекратили работу, глазели. Их заинтересовал Андрей. Незнакомый человек. И одет иначе. Синие рейтузы, серебристые башмаки и белая безрукавка.

Голые детишки, все с косточками, которые они обсасывали – в становище было много мяса, – сбежались, чтобы потрогать гостей. Одна из женщин поднялась и отогнала их хворостиной.

Верхом появился парень в меховой юбке. Он спрыгнул с коня, шлепнул его по морде.

– Хе ка-ва сей, – гортанно сказал он.

Жан ответил длинной фразой.

Из самого большого чума через низкое отверстие выполз толстый старик. Сидя на корточках, принялся хлопать себя по щекам.

– Это брат вождя, – сказала Ингрид. – Показывает, какое большое горе.

Андрею хотелось убежать от тоскливой, всепроникающей воню. Мухи перелетели к гостям и густо жужжали у самых глаз. Рыжая хромая собака с окровавленной мордой зарычала, осев на задние лапы.

– Пошли в шатер, – сказала Ингрид. – Там мух нет.

В шатре было прохладнее. Глаза быстро привыкли к зеленоватой полутьме; внутри шатер оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Пахло терпко и остро – в середине дымил костер, лежала охапка травы. У костра на корточках сидела девушка. Она кинула в дым связку травы и поднялась. На темном лице светились белки глаз и зубы.

– Ты пришла. – Она легонько, на мгновение прижалась лбом к плечу Ингрид.

Куча тряпок и шкур за костром зашевелилась. Оттуда послышался низкий голос. Зацокал, заурчал. Жан ответил.

– Вождь был на охоте, – сказал Жан. – Его догнал лев.

Ингрид прошла к ложу раненого. Жан переводил ей.

Андрей понимал, что он здесь лишний, но выходить наружу, в жару и вонь, не хотелось.

Рядом с костром в землю было вкопано бревно с сучьями. На сучьях висело оружие. Андрей подошел, разглядывая короткие копья с широкими каменными лезвиями, прямой зазубренный меч.

Девушка стояла к нему спиной, наблюдая за тем, что делает Ингрид. Наряд девушки ограничивался короткой юбкой, ладно сшитой из конской шкуры. Прическа странная – на висках волосы сбриты, на макушке торчат ежиком.

– Так можно и ногу потерять, – сказала Ингрид.

В ответ что-то спросил раненый, потом ответил Жан. Девушка почувствовала взгляд Андрея и обернулась. Куда быстрее, чем оборачиваются городские девушки, которые не чувствуют чужих взглядов и не привыкли их бояться.

Глаза были светлые, внимательные. Андрей улыбнулся. Девушка после секундной паузы улыбнулась в ответ.

– Тебя я не видела, – сказала она. – Ты новый. Ты с неба?

– С неба, – сказал Брюс. – Ты откуда знаешь наш язык?

– Жан меня учит, – сказала девушка. – Никто не знает язык людей неба. Я знаю. Я умная. Я – дочь вождя.

– Как тебя зовут?

– Биллегури, а твои люди зовут меня Белогурочка. Почему?

– Им лучше знать. Это хорошее имя.

В Белогурочке было что-то птичье – в посадке головы, настойчивом взгляде, тонкости костей. От плеча до небольшой груди шел светлый шрам. Белогурочка перехватила взгляд Андрея и сказала:

– Меня ударил вран, я упала с горы. И прямо на сук.

– Ты знаешь много слов, – сказал Андрей. – Кто такой вран?

– Это пещерный медведь, – сказал Жан. – Их здесь не бывает, они живут к северу, где раньше кочевала стая.

– Мы раньше жили у леса, – сказала Белогурочка. – Потом пришел Октин Хаш и убил многих мужчин. И взял женщин. А мы убежали. Он хотел и меня взять. Вы будете с нами есть?

– Нет, – сказала Ингрид. – Мы будем есть дома.

– Жан боится нашей пищи, – сказала Белогурочка. – Он боится, что у него будет болеть живот от микробов.

В чум заползла женщина. Спросила что-то. Ей ответил Жан.

Только сейчас, когда прощались, Андрей увидел отца Белогурочки. Тот лежал на спине с закрытыми глазами. Ингрид дала ему наркоз, и теперь он отдыхал от боли.

Белогурочка выпорхнула за ними на площадку. Андрею стало дурно от вони. Разделка птеродактилей подходила к концу. Дети гоняли собак, чтобы те не растащили мясо.

Подскакали два воина. Они подняли копья, приветствуя гостей. Один из них, одноглазый, засмеявшись, прошептал длинную фразу. Жан ответил. Ингрид поняла и сказала Андрею:

– Он жалеет, что не смог утащить у нас блестящую коробку. Они страшные воришки. Если покопаться в шатрах, найдешь все, что пропало у нас за полгода.

Жан тоже смеялся. Белогурочка сказала:

– Брать чужое плохо.

Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Она была на голову ниже его.

– Плохо, – согласился Андрей.

– У тебя на голове блестит. Это рана?

– Как ты догадалась?

– Ингрид всегда мажет раны жидкой мазью, которая потом твердая. Кто на тебя напал?

– Птеродактиль, – сказал Андрей. – Знаешь?

– Знаю. Это корпы. Вон лежат. Мы из них делаем одежду, когда холодно. И еще едим. У нас теперь много мяса. Хочешь, я тебе дам?

– Пошли, – сказала Ингрид. – А то тебе обедать не захочется.

Белогурочка смотрела им вслед. Она увидела, что Андрей обернулся, и крикнула:

– Ты красивый!

– Ну вот и поклонница, – сказала Ингрид. – Почему во всей Вселенной капитаны Космофлота пользуются такой популярностью у девушек?

– Не представляю. Раньше это говорили о гусарах.

– У них форма красивая, – сказал Жан. – Смотри под ноги. Змея!

Змея скользнула молнией и скрылась в траве.

5

Андрей принял душ. Ему казалось, что он пропитан запахами становища.

За обедом Конрад сказал:

– Тебе повезло.

– Я рад, что побывал там, – сказал Андрей. – Это очень интересно. Только воняет.

– Я не об этом. К нам в гости сам Октин Хаш.

– Аттила?

– Он умный человек, – сказал Конрад. – Я с ним разговаривал. Он сознает свою

историческую задачу.

– Если историческая задача грабить и убивать, – сказала Ингрид возмущенно, – то осознать ее несложно. Вам нравится суп?

– Необычно, – сказал Андрей.

– Мы здесь многому научились, – сказала Ингрид. – Знаем, какие травы полезны, а какие есть нельзя.

– Спасибо Белогурочке? – спросил Андрей.

– Она вам понравилась? Правда, замечательный ребенок?

– Сколько ей лет?

– Не знаю. Жан, сколько лет твоей Белогурочке?

– Здесь год немного длиннее нашего, – сказал Жан. – И потом в первобытном обществе другие мерки. Девиц отдают в соседний род, когда исполняется тринадцать-четырнадцать.

– А почему не отдали Белогурочку?

– Она была предназначена парню из стаи Динозавров. Но та стая полностью истреблена. Белогурочка – девушка-вдова. Это недостаток.

– Еще налить супа? – спросила Ингрид.

Пришел чернявый, ртутный, яростный Аксель Акопян. Присел за стол и принялся работать ложкой так, словно соревновался на скорость.

– Видели, какой дым? – сказал он.

– Мне говорили, что орда Октина Хаша захватила кибитки стаи Серой акулы. И был бой, – сказал Жан.

– Господи, когда это кончится! – сказала Ингрид.

– Я тупею от этих запахов, – сказал Конрад. – Здесь все пахнет.

Пышная, добрая Медея, которая дежурила на кухне, принесла миску с тушеным мясом.

– Угадай, что это такое, – сказал Конрад.

– Лучше и не пытайтесь, – возразила Ингрид. – Я стараюсь не думать. Хорошо, что у нас запас консервов.

– Ничего особенного, – сказал Жан. – Это оленина. Я покажу вам его рога. Два метра в размахе.

– Почему все так нелогично? – спросил Андрей. – Законы эволюции постоянны. Одно отмирает и уступает место другому.

– Здесь не уступило, – сказал Конрад.

– Сюда нужно экспедицию человек в сто, – сказал Аксель. – Я написал отчет, а в Центре никак не раскачаются. Эта планета набита тайнами. Ты смотришь направо – так быть не может! Ты смотришь налево – такого не бывает, а оно есть. Вы меня понимаете?

– Нет, – сказал Андрей. – Я здесь всего два часа.

– Завтра сядете со мной в вездеход, и я повезу вас по кинжальному каньону.

– Покажи ему туннель-эдельвейс, – сказала Медея, – он раскроет рот, так и останется.

– Я завтра утром улетаю, – сказал Андрей.

– Ничего, – сказал Конрад. – На этот раз мы отправим в Центр столько материалов, что они вынуждены будут пошевелиться. Есть вещи, которые случайностью не объяснишь.

– А когда они посмотрят, что дал радиоуглеродный анализ, они за головы схватятся! – с торжеством заявил Аксель.

– Нет, Андрею надо что-то показать. До темноты еще часа два, – сказал Жан. – Давайте, я покатаю его на флаере.

– Спасибо, – сказал Андрей. Ему было стыдно признаться в том, как сильно его тянет в сон. Впрочем, проницательная Ингрид угадала, что с ним творится.

– Никуда он не полетит, – сказала она. – Зачем спать во флаере, когда можно поспать в шатре. Человек впервые попал к нам. Вспомните, как вы здесь спали первые дни. Конрад, уступишь Андрею койку?

– А компот? – удивился Аксель Акопян.

– Пускай идет, – сказала Ингрид. – Через два часа мы его разбудим.

– Через час, – сказал Андрей.

6

Конрад разбудил Брюса через два с половиной часа.

– Ты не простишь, если я дам тебе спать до утра, – сказал он.

В руке он держал чашку кофе. За окном было сине, почти совсем стемнело.

– Я себе не прощу, – сказал Андрей. – Спасибо, что разбудил. Со мной такого еще не бывало.

– Мы засекли со спутника, – сказал Конрад, – что Октин Хаш уже выехал. Хочешь посмотреть?

– Мне никто ничего не рассказывает, – сказал Андрей, отбирая чашку у Конрада. Кофе был горячий и очень крепкий. Конрад постарался.

Каюта Конрада была заставлена планшетами. Конрад считал себя художником. К счастью, он не стал художником, а стал хорошим биологом. Это были пейзажи. Очень яркие, в основном с закатами.

– А чего он к вам едет?

– Как соседняя держава. С визитом, – сказал Конрад. – Считается, что мы взяли под свою руку стаю Белого волка. И можем претендовать на их бывшие земли. Политика сложная.

– А что вы ему предложите?

– Законы контакта условны. Люди здесь столь первобытны, что наше присутствие не нарушает их жизни. Они доисторичны. Мы не можем войти в их историю. О нас планета забудет раньше, чем достигнет цивилизации.

– Вы взяли под свое покровительство стаю?

– Иначе бы их перебили люди Октина Хаша. Ты этого хочешь?

– Конрад, ты сердишься, значит, ты не прав.

– Просто замечательно, если ты сидишь в Галактическом центре и за тебя думает компьютер. А ты видел Белогурочку? А ты ее младших братишек видел? Они хотят жить, понимаешь?

– И вы решили встретиться с Октином Хашем?

– Это он решил с нами встретиться.

– Он вас считает богами?

– Религия их первобытна. Они одушевляют силы природы. Они еще не додумались до концепции бога в человеческом обличье. Поэтому мы не можем быть богами. У нашего племени много оружия и богатств. Покорить нас невозможно. Ему совершенно непонятно, чего же мы хотим. А любопытство – одно из первых человеческих качеств.

– А что тебе нужно от этой встречи?

– Только, чтобы нас оставили в покое. Чтобы перестали нападать на наши партии. Степь велика. Пускай идут дальше. Эта земля, – Конрад сделал широкий жест рукой, – от озера до холмов – наша.

– Вождь стаи Железных птиц...

– Не могу же я объяснить Октину Хашу, что мы прилетели из Галактического центра для проведения комплексных исследований. С сумасшедшими здесь разговор короткий – дротик под сердце.

В дверь заглянула Ингрид.

– Едут, – сказала она. – Пошли в узел связи, поглядим.

7

Спутник связи завис над лагерем кочевников. Если бы сам великий Октин Хаш, повелитель северной степи, поднял голову, он мог бы заметить искорку – не более того.

На большом экране узла связи был виден клуб серой пыли, куда более светлой, чем трава и синий воздух. Октин Хаш уже несколько недель стоял на берегу небольшой степной речки. Люди и кони истоптали траву. Слабый ветерок оттягивал пыльное облако в сторону – из пыли, как из тумана, поднимались горбы кибиток, совсем иных, чем чумы у стаи Белого волка. Бивни мастодонтов были обтянуты кожей динозавров. Кибитки расходились радиально от центра лагеря, где стоял шатер вождя. Лагерь был огражден повозками, за которыми далеко тянулись хибары и навесы. Там жили рабы и слуги, а далее оказалась свалка – кости животных, навоз, ломаные телеги, ямы, куда кидали мертвых, – Октин Хаш любил порядок в лагере, но не интересовался тем, что творилось за его пределами.

Перед шатром Октина Хаши стояли высокие шесты с разноцветными тряпками, у входа горели два костра, наполнявшие пыльное облако оранжевым сиянием. Всадники в костяных шлемах, накидках из крыльев птеродактилей – высушенные когти торчат над плечами, как эполеты, – с небольшими блестящими щитами из акульей кожи горячили босыми пятками мохнатых лошадок, размахивали копьями, ожидая выхода вождя.

Два телохранителя, закованные в латы из панцирей игуаноносов, вышли первыми из шатра. Потянули, раздвигая полог, и тогда, скрытый по колени в пыли, вышел сам Октин Хаш. Он был мал ростом, на голову ниже людей, что следовали за ним. Корона из красных перьев лишь подчеркивала его малый рост. Одет он был скудно – лишь короткая юбка из тигровой шкуры. Вместо коня обнаженные рабы вели громадного ящера.

– Стегозавр, – сказала Ингрид. – Я покажу снимки – на них возят грузы в пустыне – целые караваны. Они тупы и послушны. А везет, как грузовик. Машина неприхотливая – поел травки, снова в путь.

Между вертикальными метровыми пластинами на хребте ящера было устроено сиденье из шкур. Второе, спереди, для погонщика.

Подчиняясь удару копыта, ящер покорно подогнул толстые ноги и коснулся брюхом земли. Два воина наклонились, чтобы вождь мог ступить на их спины. Оттуда – на спину ящера. Стегозавр поднялся и замер.

Всадники бешено закружились вокруг, затем понеслись вперед, к проходу между повозок. Ящер, не спеша переступая по пыли, двинулся вслед, как линкор за торпедными катерами.

– Это только кажется, что он идет медленно, – сказал Конрад.

– Они далеко отсюда?

– Часа через полтора будут. Надо готовиться. Жан, ты предупредил стаю?

– Сейчас схожу, – сказал филолог.

Конрад обернулся к Андрею:

– Логика порой не срабатывает. Он едет к нам установить мир. Казалось бы – замечательно. Но с ним скачут молодцы, которые могут вырезать всю деревню нашей стаи. Потому надо предупредить.

– Вы их будете прятать здесь?

– Они уйдут в лес. Так уговорено.

– Вы его впустите на станцию?

– Разумеется, – сказала Ингрид. – Он пускал Конрада к себе в шатер. Оскорбление – не пустить в дом.

– А соблазн не слишком велик?

– Разумеется, мы примем меры.

Андрей поглядел на экран. Спутник не выпускал из поля зрения посольство, которое шло к станции.

Впереди носились всадники. Как пчелы, отрывающиеся от роя, они сновали в разные стороны и возвращались к громаде стегозавра. Колдуны и старейшины ехали спокойно, держась за хвостом ящера. Маленьким красным пятнышком покачивалась перьевая корона Октина Хаши между пластинами на спине стегозавра.

– Медея, – сказал Конрад, – проверьте со Стахом силовое поле. В станцию пропускаем

только Октина и его советников. У вас час на то, чтобы решить, как это лучше сделать.

Андрей вышел наружу.

Громко стрекотали цикады. Недалекий лай собаки пробился сквозь этот звук и погас. Звезды были яркими и незнакомыми. Маленькая луна быстро шла по небу, закрывая звезды. Там, где зашло солнце, небо было зеленым, расчерченным черными облаками. Быстрая тень беззвучно пронеслась над головой, и Андрей отпрянул к двери.

Два черных силуэта возникли у цепочки зеленых огоньков – границы силовой защиты. Огоньки у их ног на секунду погасли, затем загорелись ярким белым светом – в поле образовался проход.

Жан и Белогурочка подошли к Андрею.

– Вам цикады не надоедают? – спросил Андрей.

– Я привык, – сказал Жан, – я их не слышу, как старые часы в комнате. Белогурочка решила побыть у нас.

– А остальные?

– Остальные отошли в лес.

– Почему ты не ушла со всеми? – спросил Андрей.

– Я хотела увидеть тебя, – сказала Белогурочка.

Жан сдержанно улыбнулся.

– Вы еще не привыкли к простоте чувств и отношений, – сказал он. – Белогурочка всегда говорит, что думает.

– Твой друг – Андрей? Почему он должен улететь?

– У меня дела далеко отсюда, – сказал Андрей.

– Ты охотник?

– Я караванщик.

Белогурочка обернулась к Жану, ожидая, чтобы он объяснил.

– Андрей хочет сказать, что он ведет повозки с товаром.

– Лучше, если бы ты был воином, – сказала Белогурочка.

Они вернулись на станцию. Там, при свете, Андрей смог разглядеть девушку. Она приделась. На ней был короткий плащ из серых и черных перьев и несколько нитей бус из оранжевых острых зубов, из каких-то сушеных ягод. К сожалению, Белогурочка намазала брови сажей и на щеках нарисовала зеленые узоры.

– Красиво? – спросила она, перехватив взгляд Андрея.

– Не знаю, – сказал Андрей. – Я здесь первый день.

– Странно говоришь, – обиделась Белогурочка. – Один день, два дня, много дней – или красиво, или некрасиво.

– А это обязательно рисовать? – спросил Андрей.

– Обязательно. Это наш знак. Погляди.

Белогурочка протянула Андрею руку, на которой были вытатуированы такие же узоры.

– Когда я стану женщиной, – сказала она, – мне наколют на щеках такие рисунки. Я дочь вождя.

Они стояли в общей комнате станции. Еще днем там был беспорядок – здесь складывали образцы и грузы, полученные с «Граната». Сейчас все это убрали и комнату пропылесосили. Два кресла – самые красивые, их притащили из кают-компаний – стояли рядом у стены.

Белогурочка быстро прошла к креслам и села в одно из них.

– Ты садись рядом, – сказала она. – Ты будешь Конрад. А я буду Октин Хаш.

Андрей подчинился.

– Только Октин Хаш не сядет сюда, – сообщила Белогурочка. – Мы сидим на полу.

– А ты?

– Я привыкла. Мне здесь нравится. Жан сказал, что, когда вы будете улетать, меня возьмут с собой. Мне с вами совсем не страшно.

– А когда тебе страшно?

– Ты когда-нибудь бегал?
Андрей не понял.
– Бегал, чтобы тебя не убили? Других убили, а ты бежишь. И ждешь, чтобы убили. Октин Хаш убил моего друга. И потом убил мою мать. Она лежала мертвая, а мы бежали и не смогли положить ее в землю. Это очень плохо.
– Это плохо, – согласился Андрей.
– Мой друг хотел вернуться. Мой друг сказал – я пришел в твой род. Это честь твоего рода. Я найду твою мать. Октин Хаш оставил своих людей. Он очень хитрый. Они подкараулили моего друга. Они привезли его голову и кинули. Я закопала ее в землю.
Белогурочка подобрала ноги, усаживаясь поудобнее в кресле. Ноги были исцарапаны, на коленке белый шрам.
– Они не найдут наших в лесу, – сказала Белогурочка. – Они боятся ходить в лес ночью. А где твой нож?
– Мне не нужно.
– У твоих есть ножи, которые бьют издалека. Ты знаешь?
– Знаю.
– Октин Хаш хочет взять меня. Чтобы я жила с ним, варила ему мясо и родила ему детей.
– А он тебя видел?
– Он к нам приезжал, чтобы говорить о мире. Они сидели с отцом, и я приносила мясо. И он сказал отцу: отдай дочь – будем одна стая. А отец сказал, что я обещана. Октин Хаш смеялся и сказал, что он все равно возьмет меня. Он очень веселый, этот Октин Хаш.
Белогурочка постаралась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.
– Он всегда приходит говорить о мире, когда хочет убить. Я сказала Жану. Он идет вас убить. Жан сказал, что не боится.
Конрад вошел в комнату. Он был доволен.
– Зал для аудиенции готов. Жалко, что кресла не золотые, – сказал он. – Андрей, загляни в столовую. Жан сменит тебе заряд в бластере.
– Зачем?
– На усыпляющий. Если что случится, я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб.
– Все же опасаясь?
– Октин Хаш – завоеватель. Хоть первобытный, но завоеватель. А завоеватели сами изобретают себе мораль. – Конрад обернулся к Белогурочке: – Пойди на кухню. У Медеи найдется для тебя что-нибудь вкусное.
– Ты боишься, что Октин Хаш увидит меня? – спросила Белогурочка, легко вскакивая с кресла.
– А ты хочешь его видеть?
– Пускай Октин Хаш знает, что у меня есть большие друзья. А потом мы пойдем в поход и убьем его, правда?
– Иди на кухню!
Белогурочка скользнула из комнаты.
Конрад нервничал. Он-то не был завоевателем.

8

Уже совсем стемнело, когда Октин Хаш подъехал к станции.
Конрад с Жаном вышли встречать. Конрад позвал с собой Андрея, потому что у того были серебряные башмаки и куртка с золотыми знаками. На станции ни у кого не нашлось более впечатляющего облачения.
Они стояли возле огоньков силового поля. Небо, с частыми яркими дырками звезд, куда более яркое, чем над Землей, было зеленым там, где село солнце. Сквозь стрекотание цикад доносился заунывный вой.

– Волки вышли на охоту, – сказал Конрад.

Посольство показалось Андрею продолжением неба – у горизонта возникла цепочка оранжевых звездочек. Звездочки мерцали, перемещались и становились все ярче – всадники Октина Хаша держали в руках факелы. Отблески огня играли на блестящих боках стегозабра, который черной горой выдвинулся из тьмы. Погонщик крикнул, и стегозавр замер. Его маленькие глазки красными огоньками отражали свет факелов и оттого казались злобными. Стегозавр медленно поводит огромной головой, словно принохивался к добыче.

При виде встречавших всадники завопили, размахивая дротиками и факелами. Стегозавр медленно опустился на брюхо.

– Приветствую тебя, Октин Хаш, великий вождь и мой брат, – сказал Конрад. Жан переводил.

Несколько всадников спешили, двое подбежали к стегозабру и встали на четвереньки, подставляя спины вождю.

Конрад счел момент удачным для подготовленного сюрприза. Он поднял руку, и по этому знаку со станции включили летающую лампу. Прожектор, зависший над головами, вспыхнул неожиданно и ослепляюще. Андрей зажмурился.

За эту секунду все вокруг изменилось. Стегозавр взметнулся на массивные задние лапы, когти передних дрожали над головами всадников. Погонщик, не удержавшись, полетел вниз, неловко свалившись на самого вождя, и они покатались под копыта коней. Вопли, рев стегозабра, проклятия Конрада, стук копыт, звон оружия создали всеобщий яростный грохот, словно рядом кипела битва. И уже в следующее мгновение, придя в себя, всадники ринулись вперед, построив заслон между вождем и людьми, и острый зазубренный наконечник копья закачался перед лицом Андрея. Жан, бросившийся было на помощь Октину Хашу, налетел на воина, и тот одним ударом сшиб его с ног. Резким клекотом послышался голос вождя. Жан поднялся, стоял подобравшийся, черный и прямой.

Копья опустились. Жан произнес длинную фразу, прося прощение у гостей. Потом была пауза. Жан обернулся к Конраду.

– Я объяснил, – сказал он тихо, – что мы не желали зла. Что мы хотели только достойно осветить место встречи...

Тут заговорил Октин Хаш.

– Меня нельзя испугать, – переводил Жан. – Я ничего не боюсь, но вы напугали наших животных. Так не принимают высоких гостей.

Очень толстая женщина с раздувшимся от жира лицом – глазки щелками, – облаченная в громоздкую меховую шубу, с трудом нагнулась, подобрала с земли помятую корону из красных перьев, расправила и нахлобучила на лысую голову Октина Хаша.

– Мы уезжаем, – закончил перевод Жан. – И между нами будет война.

– Какая еще война! – не выдержал Конрад. – Мы будем говорить. Мы не сделали ничего дурного. Андрей, ну подействуй на них! Нам работать нужно. С ума сойти!

– Скажи ему, Жан, – Андрей не поверил в гнев вождя, – что мы не допускали мысли, что такой смелый вождь, как Октин Хаш, изменит свое решение из-за того, что над его головой зажегся свет.

Пока Андрей говорил, он не сводил взгляда с вождя. Ему показалось, что тонкие губы Октина Хаша изогнулись в усмешке.

Октин Хаш ответил Андрею.

– Великий вождь, – с явным облегчением в голосе перевел Жан, – соизволил принять объяснения вождя Железных птиц и будет с ними разговаривать. Куда надо идти?

Проход в силовом поле был раскрыт, и Октин Хаш смело пошел вперед. За ним ринулись толпой старейшины и воины.

– Погодите! – крикнул Конрад. – Жан, скажи ему, чтобы остальные ждали здесь.

Жан не успел перевести, потому что Ингрид, которая следила за этой сценой с пульта управления, включила вновь силовое поле, и оставшиеся снаружи воины бились о воздушную стену.

Октин Хаш остановился.

– Почему они остались там? – спросил он.

– Здесь тесно, – ответил Конрад.

– Ночь холодна, и мои воины голодны. Кто их накормит?

– Этого еще не хватало! – вырвалось у Конрада.

– Он прав. Мы нарушаем закон степи, – сказал Жан.

– Скажите им, что пищу вынесут на поляну. Там свободно. Пускай они подождут немного. Пища скоро будет готова.

Когда Жан перевел, Октин Хаш, подумав несколько секунд, кивнул и приказал воинам ждать и не беспокоиться.

– Пускай откроют консервы, – сказал Конрад, зная, что каждое его слово слышно внутри станции. – И учтите, что там человек двадцать, не меньше.

Он первым пошел к дому, ворча:

– Разорение, сущее разорение.

– Хорошо, что свита невелика, – сказал Андрей.

Они вошли в комнату. Октин Хаш сразу увидел два кресла. Он смотрел, как Конрад прошел к одному из них.

Октин Хаш отлично владел собой, Андрей отдавал ему должное. Ведь дикарь никогда не был внутри станции. Белые стены, белый пол, яркий свет, мебель – все это должно было его смутить. Спутники вождя были куда более взволнованы. Они уселись на корточки у входа, не смея ступить в глубь комнаты.

Конрад уселся в кресле, показав гостю на второе. Тот остался стоять. Они же не сидят на стульях, вспомнил Андрей.

Вдруг быстрым обезьяньим движением Октин Хаш подпрыгнул и опустился в кресло, поджав ноги. Его спутники громкими возгласами встретили это достижение.

– Мы рады, – произнес Конрад, стараясь не улыбнуться, – что великий сосед пожаловал к нам с миром.

– Я тоже люблю мир, – ответил вождь. Глаза у него были черные, мышинные, острые. – Все, кто послушен мне, будут есть много мяса...

– Хо! Хо! – поддержали вождя его спутники.

– Октин Хаш предлагает вам отдать ему этот дом и все вещи. За это вы всегда будете сыты и довольны. Он знает, что у вас много мужчин и мало женщин. Он даст вам хороших женщин.

– Жан, передай нашему гостю, – сказал Конрад, – что мы не будем жить здесь долго. Мы не хотим власти над другими стаями. Мы хотим покоя. Нам нужно, чтобы воины Октина Хаша не нападали на наших людей.

– Он обвиняет тебя во лжи, – перевел Жан. – Он говорит, что мы взяли в рабство стаю Белого волка, которая убежала от Октина Хаша.

– Они не рабы нам, – сказал Конрад. – Они пришли по доброй воле.

– А ты дашь мне дочь их вождя по имени Биллегури. Мой благосклонный взгляд упал на нее.

– А она согласна?

– Ты спрашиваешь желания маленькой женщины?

– Так у нас принято.

Когда Жан перевел слова Конрада, степняки, сидевшие кучкой у дверей, возмущенно заворчали.

Октин Хаш улыбнулся – рот тонкой полоской протянулся до ушей.

– Белые волки трусливо убежали от меня. Они не достойны твоей заботы, брат.

Конрад обернулся к Андрею. Он был в тупике.

– Как его убедить?

– Стой на своем, – сказал Андрей. – Он же тебя испытывает. Как только отступишь в чем-то, он сразу сделает шаг вперед.

Октин Хаш смотрел на Андрея.

– Он просит меня перевести ваши слова, – сказал Жан Андрею.

– Переведите, ничего страшного.

Жан перевел.

Октин Хаш по-лягушачьи растянул губы, пожевал ими задумчиво.

– На моем совете, – сказал он, – младшие не смеют давать советов вождю. Или ты больший вождь, чем Конрад?

Андрей не успел ответить, потому что в зал заглянул Теймур и спросил, как давать пищу воинам. Удобно ли в пластиковых контейнерах? И как будут обедать вожди? Накрывать в столовой?

– Что он говорит? – Октин Хаш был насторожен и подозрителен.

Жан объяснил, что проблема в том, как кормить его воинов.

– Пища готова. – Октин Хаш спросил это по-хозяйски уверенно. – Тогда я pošлю моего колдуна с вашими людьми, которые понесут пищу. Он должен очистить ее, потому что ваши люди могли ее испортить.

– Еще чего не хватало! – Конрад был искренне возмущен. – Зачем мы будем портить пищу? Мы же сами ее едим.

– Мы не знаем мыслей нашего уважаемого брата, – ответил Октин Хаш. – Может быть, смерть моих воинов доставит ему радость.

Конрад растерянно поглядел на Андрея.

Андрей понимал его. Конрад был уверен, что встреча с Октином Хашем должна быть своего рода научным развлечением. Кладом для этнографов и антропологов. Непосредственная беседа со степным завоевателем – скрытые камеры трудятся, чтобы не упустить ни мгновения. Подарки заготовлены, угощение для вождя стынет в столовой. Пораженный могуществом людей, Октин Хаш смиренно обещает более не нападать на полевые группы, не безобразничать, и в степи наступает блаженный мир. А Октин Хаш, оказывается, настолько первобытен, что на него не действуют элегантные интерьеры станции и могущество Конрада, который умеет зажигать солнце над головой. И вообще он не хочет преклоняться перед Конрадом. Он видит в Конраде степного вождя, столь же коварного и мелкого, как сам Октин Хаш. И вместо того, чтобы выслушивать разумные предложения Конрада, он сам чего-то требует.

Не найдя поддержки у Андрея, Конрад сказал Акселю:

– Голубчик, пускай этот колдун-кастрат идет. И пробует что хочет. А ты, Жан, скажи нашему гостю, что мы сейчас перейдем в столовую, где будет приготовлен скромный ужин.

– Я не буду говорить – скромный, – возразил Жан. – Так не принято говорить.

– Ну, скажи – королевский, сказочный, удивительный!

Жан сказал.

Андрей смотрел на тонкие руки Октина Хаша, которые плетями высывались из-под тигровой накидки. Руки были густо татуированы. Левую обвивал синий змей, хвост которого скрывался под тигровой накидкой, а голова лежала на тыльной стороне ладони. Другая рука была украшена узорами, среди которых угадывались зубастые рыбы.

– Мы недовольны, – услышал он голос Жана, который снова переводил. – Вы не отдали нам стаю Белого волка, вы не хотите мира. Значит, будет война. Мы сами отберем у тебя твоих рабов, а ты с веревкой на шее будешь идти за моей повозкой.

Говоря так, Октин Хаш не двинулся с места. Пока Жан переводил, он заинтересовался креслом, поковырял ногтем обшивку, затем принялся задумчиво чесать большой палец на ноге, став похожим на умную обезьяну.

– Мы не хотим войны, – сказал Конрад. – Мы могучие люди. Мы сильнее всех твоих армий, и ты об этом знаешь.

– Я об этом не знаю, – возразил Октин Хаш, – потому что мы еще не воевали. Но думаю, что мои воины сильнее.

– Что ему нужно? – спросил Конрад у Андрея. – Я ни черта не понимаю. Он в самом

деле хочет с нами воевать?

– Вряд ли, – сказал Андрей. – Он даже не удосужился изобразить гнев. Спроси его, хочет ли он меняться с нами или торговать.

Октин Хаш кинул на Андрея острый взгляд. Жан перевел.

– Что вы мне дадите? – Октин Хаш рассматривал палец ноги.

– У нас есть пища, украшения, у нас есть котлы, чтобы варить еду. – Конрад задумался... Чем бы еще пожертвовать? Хорошо было капитану Куку. Он специально вез бусы для туземцев.

– Мы сами добудем себе пищу, – сказал Октин Хаш. – И у нас есть из чего ее хлебать. Нам нужно оружие. Железное.

У их копий железные наконечники, подумал Андрей. Надо проверить. Выйти к воинам и проверить.

Но Конрада это не удивило. Он думал о другом.

– Мы не можем дать вам оружие и железо, – сказал он твердо. – Потому что ты будешь убивать им других людей.

Вот зачем приехал Октин Хаш, понял Андрей. Все остальное – камуфляж.

– А зачем еще нужно железо? – удивился Октин Хаш.

– Железо нужно, чтобы строить и добывать руду, пахать поля и делать нужные вещи, – наставительно сказал Конрад, и его слова канули в пустоту.

– Железо нужно, чтобы завоевывать, – не менее наставительно произнес Октин Хаш, и старейшины, сидевшие на полу, закивали головами, поражаясь мудрости вождя.

Октин Хаш откинул полу своей накидки – у пояса висели два ножа в кожаных ножнах. Он не спеша вытащил один и протянул его Андрею, которого считал более важным вождем, чем Конрад.

Андрей взял нож. Нож был из стали. Одного взгляда было достаточно, чтобы это понять. Но даже не это более всего заинтересовало Андрея. Он понял, что основой для лезвия послужила прокатанная на заводе полоса стали, которую потом разрезали на куски и заточили. Разумеется, здесь никто еще не умеет выплавлять железо и тем более сталь. Но откуда-то в лапы Октина Хаша попала настоящая сталь...

– Это хороший нож, – сказал Андрей и вернул его Октину Хашу. – Из чего сделана такая красивая рукоять?

Октин Хаш дождался перевода и не смог сдержать удивления.

– Рукоять сделана из зуба акулы, – перевел Жан и добавил от себя: – Это в самом деле сталь?

– Да, – сказал Андрей. – Но поговорим позже.

Из-под потолка прозвучал голос Теймура – тот включил внутреннюю связь.

– Пища для воинов готова. Белогурочка говорит, что им должно понравиться. Мы понесли ее к ограде. Где их контролер?

Октин Хаш даже не взглянул на потолок. Он не выпускал из руки ножа, все еще раздумывая над словами Андрея.

Конрад сказал:

– Октин Хаш просил, чтобы его колдун проверил пищу. Пускай он пойдет и проверит.

Октин Хаш выслушал перевод и кинул два слова толстой бабе в меховой шубе. Та захихикала и с трудом поднялась с пола.

– Андрей, – устало попросил Конрад, – ты не проводишь его? И скорее возвращайся.

Андрей пошел к двери. Колдун за ним. Снаружи у дверей станции уже стоял Теймур. Рядом на тележке закрытый котел и в ящике – груда лепешек.

Белогурочка стояла у самой стены, не решаясь выйти на свет, потому что совсем близко, за невидимой преградой, столпились воины. При виде пищи они зашумели, видно, в самом деле проголодались.

Колдун заковылял к тележке.

– Он что, пробу будет снимать? – спросил Теймур.

Колдун открыл крышку котла, и оттуда повалил мясной пар, при виде которого воины за оградой еще более оживились. Колдун ткнул толстым пальцем в Теймура и заверещал.

Теймур понял. Он зачерпнул поварешкой из котла и отхлебнул. Воины, повинувшись знаку Теймура, чуть отошли от входа. Теймур покатил тележку вперед.

– Вам помочь? – спросил Андрей.

– Нет, не тяжело. Подстрахуйте меня.

– Я подожду, – сказал Андрей.

Он держал руку на бластере.

– Медея! – крикнул Теймур. – Открывай проход. Обед везем.

Зеленые огоньки в проходе погасли. Затем загорелись красным светом.

Теймур лихо вкатил тележку в проход, и воины сдвинулись, галдя, отталкивая его и протягивая лапы к лепешкам.

Андрей увидел, что колдун, видно удовлетворенный, повернулся и вразвалку побрел внутрь станции.

Андрей решил не уходить, пока поле не будет восстановлено. А где Белогурочка? Андрей поглядел вдоль стены. Именно в этот момент все и началось. Когда Андрей снова поглядел на ограду, Теймура не было. Толпа воинов, лязгая оружием, уже вливалась в проход в силовом поле.

– Закройте! – крикнул Андрей. – Закройте!

9

Стало зябко, цикады замолкли, и слышалось лишь завывание ветра и треск огня – горела станция. Оранжевые языки пламени вырывались из круглых окон и дверей – зрелище было праздничным и даже веселым. Пламя искажало лица, играло на них, и потому Андрею казалось, что все вокруг смеются и гримасничают.

Воины и в самом деле веселились. Они тащили из пылающей станции вещи, назначение которых было неважно, – из любой можно извлечь выгоду. Даже в смутном состоянии ума Андрей все же отметил, что у воинов в изобилии мешки, которые они приторачивали к седлам. Значит, вся эта операция заранее подготовлена, может, даже требование накормить воинов – изобретение военного гения вождя. Странно, старался понять Андрей, почему они уверены, что победят?

Только тут он вдруг догадался, что его ведут, вернее, тащат, что его руки обмотаны веревкой. И когда воин, который вел его, дернул за веревку, в голове так отдалось болью, что Андрей взвыл.

И тут же сквозь треск пламени, крики солдат и вой ветра он услышал высокий знакомый голос Октина Хаша. Воин, который тащил Андрея, откликнулся. И веревка ослабла.

Андрей перевел дух. Боль уходила медленно. Где же остальные? Андрей оглядывался, стараясь понять, что же происходит. Вокруг мелькали лишь фигуры воинов.

Воин подергал за веревку, прикрикнул на Андрея. Андрей, чтобы не возвратилась боль, пошел вперед.

И тут он увидел Теймура. Глаза его были полуоткрыты и тускло отражали свет пожара. Он был мертв. Возле него у опрокинутой тележки лежал на боку котел, куски вареного мяса валялись в траве. Еще сохранился запах похлебки. Воин, который тащил Андрея, наклонился и подобрал из травы кусок мяса, лепешку и сунул в сумку у пояса.

Андрей оглянулся – станция пылала. Неужели он остался один?

– Эй! – закричал Андрей. Он думал крикнуть громко, но голос сорвался. – Эй, кто здесь есть живой, отзовитесь!

Воин окрысился, рванул за веревку, и опять накатилась жуткая боль. Но Андрей все же услышал, как недалеко кто-то откликнулся. Вроде бы голос был мужской.

Чем дальше они отходили от пожарища, тем темнее становилось. Андрей понимал, что

находится в сердце потока, который медленно стремится прочь от станции.

Рядом шла мохнатая лошадь, нагруженная мешками с добычей. Соседство Андрея ее смущало, она храпела и косила на него влажным глазом. Перекликались воины, где-то рядом, заслоняя звезды, черной горой покачивался стегозавр, и от его шагов чуть вздрагивала земля.

Вдруг по колонне прошло движение. Спереди донеслись крики. Издали им ответили другие. Воин, который тащил Андрея, остановился.

Рядом возник еле видный в темноте всадник. Андрей почувствовал – Октин Хаш. Он сказал что-то и ткнул Андрея в висок рукоятью нагайки. Засмеялся и растворился в ночи.

Воин снова потащил Андрея. Через несколько метров Андрей понял куда. Их ждали повозки, запряженные быками. Туда переваливали мешки. Воин забрался на повозку, втащив затем Андрея. Андрей оперся о мешок и поглядел в небо. Ему показалось, что одна из звездочек движется. Может, уже спускается планетарный катер? Сколько прошло с момента нападения?

Повозка дернулась и резко покатила по ровной степи. Высокие колеса не боялись кочек. Но трясло ужасно. Андрея вырвало. Страшно хотелось пить, хотя бы прополоскать рот, ныла голова. За день ей досталось дважды.

Воин вынул флягу – сушеную тыкву с водой. Вытащил зубами деревянную пробку и поднес ко рту Андрея. В жизни еще Андрей не получал лучшего подарка. Вода была теплой, тухловатой, но это была настоящая вода. Когда Андрей напился, воин рассмеялся. Совсем молодой парень, волосы – гребнем поперек головы, шлем он держал на коленях – умаялся, волоча пленника. В темноте поблескивал панцирь.

Ах, какой предусмотрительный и умный дикарь Октин Хаш, думал Андрей. Он даже приказал повозкам подъехать ближе к станции, чтобы сподручнее увозить добро! А мы не удосужились понаблюдать за степью, когда к нам прибыли гости. Впрочем, если бы даже и наблюдали, вряд ли встревожились. Ну, едут по степи повозки – значит, так надо. Чем могут угрожать повозки великой несокрушимой станции?

Андрей стал слушать: вдруг в звуках этой процессии можно будет различить голоса других пленников?

Процессия была шумная – немилосердно скрипели высокие деревянные сплошные колеса повозок, перекликались воины, свистел ветер, словно вот-вот начнется буря, ухали, тяжело вздыхали быки, хлопали бичи, которыми их погоняли.

Что дикари делают с пленниками? Приносят в жертву своим богам? Заставляют трудиться по хозяйству? А может, меняют на железо? Они сообразительные дикари. У них кинжалы из стальных полос. Откуда на этой планете могут быть кинжалы из стальных полос?...

По небу чиркнула светлая полоса – все ближе и ближе. Она стала настолько яркой, что осветила всю процессию, как молния близкой грозы. Под волнами дурноты мозг Андрея работал лениво, вяло. Это идет катер с «Граната». Вот он и прилетел. Сейчас рядом окажутся спокойные парни, они велют этим дикарям отойти в сторону, и врач даст Андрею обезболивающее... И будет только стыдно, как он позволил одурачить себя.

Вокруг засуетились люди, крики усилились – даже не зная, что происходит, воины встревожились. Завопили погонщики, подгоняя быков, замельтешили всадники вокруг. Но светлая полоса скрылась за невысоким холмом, там, где слабым розовым заревом осталась станция.

Все правильно, понял Андрей. Они сначала должны опуститься на станцию. Они же не знают, что случилось. Они должны увидеть пожарище, они будут искать людей...

Над шумом поднялся пронзительный голос. Он отдавал команды. И тут же все стихло. Только скрипели колеса и ухали быки.

Караван повернул направо. Теперь все шли еще быстрее, зная, где можно спрятаться. Ну куда же вы спрячетесь? Вы же не можете скрыть своих следов.

– Хэ! – сказал негромко воин, трогая Андрея за плечо.

Впереди горели костры. Их пламя освещало круглые кибитки большого становища.

10

Посреди кибитки горел глиняный светильник. Воин, который привел Андрея, не опускал копья.

– Не надейся, наши и сюда заглянут, – сказал ему Андрей.

Воин ответил что-то и ухмыльнулся.

В кибитке дурно пахло. В углу были свалены кучей шкуры.

Полог откинулся, и в кибитку, нагнувшись, вошел Жан. Лоб его рассечен, и полоса засохшей крови пересекала щеку. Его руки тоже были связаны.

– Жан! – Андрей обрадовался тому, что он не один. – Ты жив!

– Я тебе кричал, – сказал Жан. – Только ты не услышал. А Конрада убили... И Теймурика.

– Ничего, – сказал Андрей. – Успокойся.

Он сделал шаг к Жану, но воин ткнул его в грудь копьем. И тут же в кибитку втокнули Акселя Акопяна. Тот молча отбивался. Глаз подбит, на щеке синяк.

– Вот нас и трое, – сказал Андрей. – Может, еще кто остался.

– Нет, – сказал Аксель – Не надейся. Жан, ты здесь?

– Конрада убили, – сказал Жан.

– Наши прилетят, мы их разгоним.

– Они уже прилетели, – сказал Андрей.

– Я видел, – сказал Аксель. – Они нас ищут.

Вошел пузатый кастрат в шубе. Радостно улыбаясь, он уселся на шкуры.

– Объясни ему нашу позицию, – потребовал Аксель.

Но колдун заговорил раньше.

– Он велит нам раздеться, – перевел Жан.

– Это еще почему? – спросил Аксель. – Ты спроси: почему?

– Рабы ходят раздетыми, – перевел Жан.

– Какие мы, к черту, рабы! – возмутился Аксель. – Пускай он не надеется, что это ему сойдет с рук.

Но толстому колдуну все сошло с рук.

Через несколько минут пленники были раздеты догола. Жан и Андрей разделись добровольно и безболезненно, Аксель приобрел еще несколько синяков.

Жрец, глядя на эту процедуру, радостно хихикал, ковыряя в носу. Потом в кибитке появился еще один персонаж – голый горбатый мальчишка. Он притащил ворох грязных шкур. В это надо было облачиться. И кувшин с водой. Пленники напились, но не спешили одеваться.

Колдун сказал, что рабам не положено другой одежды. Эта одежда не хуже другой. Шкуры были грязными и кишели блохами.

Андрей встряхнул шкуру, которую взял из вороха. Поднялась пыль. Воины засмеялись. Колдун заверещал фальцетом, отмахиваясь от пыли. Андрей понял, что очень устал. Нервная реакция, глаза закрываются. Он присел прямо на земляной пол. На минуту. И больше ничего не помнил.

Колдун знал травы. Он знал, от какой травы болит живот, а какая затягивает раны. В воде, которую принес горбатый мальчик, был сок сонного корня.

Андрей все проспал. Он не видел, как горбатый мальчишка притащил серой грязи, и этой грязью пленникам измазали лица и голые ноги. Пришел еще один человек, с острыми тонкими ножами. Он смазал им головы жидкой глиной и соскреб волосы, оставив лишь валики, подобно петушиным гребням, отчего лица пленников изменились. Колдун сам нарисовал черной краской узоры татуировки на плечах и руках спящих пленников и остался доволен своими трудами. Он позвал Октина Хаша, который тоже смотрел на пленников и

сказал, что колдун все сделал правильно.

Пленных перенесли в большую кибитку, в которой держали рабов. Их уложили среди рабов – и они растворились в человеческом месиве: даже вглядываясь в лица, не угадаешь, кто раб, а кто профессор филологии или капитан Космофлота.

Добро же, награбленное на станции, было спрятано в выгребных ямах и колодцах, вырытых под некоторыми кибитками. Предусмотрительные степняки успели вовремя. Над становищем появился планетарный катер.

Его встретили враждебно – десятки всадников мельтешили перед ним, угрожая копьями, кричали и плевали в штурмана. Тот был рад, что он в скафандре высокой защиты.

Штурмана отвели в кибитку, где на возвышении, покрытом шкурами, сидел маленький лысый человек с упрямым подбородком и узкими сжатыми губами, над которыми нависал тонкий нос. Штурман пытался показать знаками, что хочет осмотреть становище. Маленький человек ел мясо, захватывая его с подноса длинными кривыми пальцами. Кости он кидал в угол. Там сидела старая женщина, которая хватала их на лету и ела. Штурман не знал, что это мать Октина Хаша, которую тот кормил из милости.

Наконец маленький вождь поднялся и повел штурмана по становищу. Их сопровождала большая толпа дикарей. Штурман был очень упорным человеком. Он заглядывал во все кибитки, в том числе и в те, где жили рабы. Он видел спящих землян, но ни он, ни люди с «Граната» не отличили их от сотен других рабов. Убедившись, что в лагере нет пленников и ничто не связывает становище с гибелью станции, штурман доложил на «Гранат», что возвращается.

11

Страшно болела голова. Эта боль и разбудила Андрея. Еще не очнувшись толком, он попытался сжать себе виски и тут понял, что его голова изменилась. На ощупь она была иной. Андрей решил было, что ему снится настойчивый кошмар. В кибитке было полутемно, мутило от тяжелого запаха жилья и плохо выделанных шкур. Рядом кто-то застонал. Андрей приподнял голову – человек, который лежал там, был очень похож на кого-то. Он был грязен, голова уродски острижена, руки татуированы. Человек открыл глаза, и Андрей понял, что это Жан.

Акселя они отыскиали в другой стороне кибитки. Он еще спал.

– Зачем им это нужно? – спросил Андрей.

– Они считают нас рабами, – сказал Жан, – и хотят, чтобы мы выглядели как рабы. В мире должен царить порядок...

– Выглядели как рабы... – повторил Андрей. – А может, они умнее? Может, они боялись, что нас будут искать?

– Не переоценивай их способности, – возразил Жан. – Я тут уже скоро полгода и убежден, что подобные мысли им в голову не могут прийти. Иной уровень развития. Будь они смышленнее, они бы никогда на нас не напали. Это же безумие?

– Безумие!

Завозился, просыпаясь, Аксель. Андрей сказал ему:

– Нас превратили в рабов. Даже головы побрили. Так что не удивляйтесь.

– Что за черт! – Аксель ощупывал голову. – Зачем им это нужно?

– С первобытных времен мозг человека не изменился, – сказал Андрей. – Разница лишь в характере внешней информации. Октин Хаш знает, как называются травы, умеет ездить на стегозавре и метать дротик. Мы знаем, как работать с дисплеем и включать свет.

– Он не глупее, – возразил Жан. – Он иначе устроен. Он не в состоянии предвидеть последствия своих поступков.

– Интересно, кто же тогда нас одурачил?

– Чего мы сидим? – Аксель подошел к двери кибитки и осторожно отодвинул полог.

Сквозь дверь пробивался сумеречный свет. Сколько же они проспали? Почти сутки?

– С ума сойти, – сказал Жан, словно угадал мысли Андрея.
– Уже вечер. Они нас опоили. Надо бежать.
– Куда? – спросил Андрей.
– В степь, к станции.
– Чтобы нас через десять минут догнали?
– Насколько я знаю эту местность, – сказал Жан, – здесь вокруг степь на много километров. В ней полно всяких тварей.
– Так что же, будем сидеть и ждать, пока нас поджарят?
– Я бы предпочел не спешить, – сказал Андрей. – Вернее всего, пока мы спали, здесь побывал катер.

– Так что же они нас не нашли? – обиженно спросил Аксель.
– Я бы сам не отличил вас от рабов.
– Это только предположение, – сказал Жан.
– Надо бежать, – повторил Аксель. – Дождемся ночи и уйдем.
Пришли два воина, принесли котел с вонючей теплой похлебкой. Они поставили котел у входа.

Ели Жан и Андрей. Ели с отвращением, и со стороны их попытки выловить из супа что-либо съедобное выглядели курьезно. Воины покатывались со смеху. Аксель категорически отказался есть.

– Быть гордым почетно, – сказал Андрей, – но полезнее остаться живым.
– Ценой унижения?
– У меня была тетя, – сказал вдруг Жан. Он отыскал деревянную плошку, вытер ее рукавом и зачерпнул жижи из котла. – Она очень смешно воевала с моей дочерью. На равных. Дочери было пять, а тетке пятьдесят шесть. Понимаешь, они ссорились на равных.

– Я тебя не понял.
– Ты меня не хочешь понять, иначе вся твоя гордость летит к чертовой бабушке.
Аксель отвернулся к стене.
– Если вы не хотите, я убегу один, – сказал он после паузы.
– Знаете, кого вы мне напоминаете? – спросил Андрей. И сам ответил: – Отважного разведчика из старинного романа приключений. Он попадает в плен к врагам и гордо отказывается от угощений и попыток его подкупить.

– Я согласен с таким сравнением, – сказал Аксель.
– А они нам не враги, – сказал Андрей.
– Брюс, – произнес Аксель печально и горько. – Вы здесь чужой. Для вас Конрад, Теймур, Медея, Ингрид – лишь имена. Для меня они родные люди. А эти подонки их убили.
– Мы с ними существуем в разных мирах, которые не соприкасаются. А вы стараетесь навязать им свою собственную психологию.

Квалифицированный генетик, надежда факультета вдруг оказался рабом какого-то дикого племени – эта перемена в статусе оказалась для Акселя невыносимой, и Андрей Брюс понимал, что за парнем надо присматривать – он может наломать дров.

– Черт знает что, – Аксель метался по кибитке, заложив руки за спину. – Мне бы бластер. Я бы уничтожил этого Октина Хаша. Если его не остановить, он убьет еще тысячи людей.

– Не родился бы он, родился другой, – сказал Жан. – Без этого истории не обойтись. Со временем и здесь додумаются до гуманизма.

– Мы, как старшие братья, обязаны вмешаться.
– И наказывать, если они будут себя неправильно вести?
– Наказывать и поощрять.
– Ты, как выяснилось, гуманный дрессировщик, – заметил Андрей, вытягиваясь на жестких шкурах. Укусила блоха.

– Это старый спор, – сказал Жан. Он сидел на земле и чесался. Видно, тоже, одолели блохи. – В Центре уже давно доказали, что естественное развитие цивилизаций

благодарнее, так как не создает дуализма в сознании, не готовом к восприятию идеалов.

– Чепуха. Если отнять у них детей и вырастить в нормальных условиях, они будут такими же, как наши дети. Сами же говорите, что мозг человека не изменился, – возразил Аксель.

– Значит, гуманная дрессировка с питомниками для детей. А стоит ли возиться? Может, взрослых ликвидировать?

– Зачем шутишь? Разве время шутить?

– Всегда время шутить, – сказал Андрей.

Он поднялся – заели блохи.

За стенкой кибитки слышались крики, свист, хохот – происходило что-то очень интересное.

Андрей подошел к пологу, приоткрыл его. Часовых у входа не было. В плечо дышал Аксель.

Зрелище было и в самом деле внушительным. Несколько коней, словно лилипуты Гулливера, тащили по лагерю тушу динозавра. Туша была метров пятнадцать в длину, и толстый у основания хвост тянулся по пыли еще метров на десять. Вокруг туши прыгали ребятишки и сустились женщины. Тушу бросили на площади посреди становища. Появился жирный колдун. Его помощник нес за ним короткий широкий меч. Толпа загомонила в предвкушении зрелища.

Колдун взял меч и остановился у брюха динозавра. Он стоял так довольно долго, и толпа криками подбадривала его.

Затем он сделал резкое колющее движение мечом, и меч вошел по рукоять в тушу динозавра. Взявшись за рукоять обеими руками, колдун старался распороть грудь чудовища. Ему было трудно – надутое лицо стало мокрым от пота.

Отбросив меч, колдун сунул обе руки в тушу и резким движением вырвал сердце динозавра. Сердце было большим, тяжелым, оно обвисло в руках жреца. Толпа завопила от восторга.

– Трудно привыкнуть, – сказал Жан за спиной Андрея.

– Зачем привыкать?

– Не хочется доживать век рабом Октина Хаша.

С двух сторон к старому колдуну подскочили воины и подхватили тяжелое сердце. Подняв его на руки – кровь капала им на лица и плечи, – они понесли его Октину Хашу.

Тот вытащил кинжал, склонился, отрезал полоску мяса и поднес ко рту. Он жевал, а толпа прыгала от радости.

– С ними ты собираешься воевать? – спросил Андрей, оборачиваясь к Акселю.

Аксель исчез.

– Жан, где он? – спросил Андрей.

Жан откинул полог и заглянул в кибитку.

– Там его нет, – сказал он.

– Так я и думал. Он сбежал!

Прямо над головой раздался резкий крик. Октин Хаш подъехал незаметно. Его рот был измазан кровью.

Жан тихо ответил.

– Что он спросил?

– Он спросил, где третий. Я сказал, что скоро вернется. У него болит живот, а он не хочет гадить в кибитке.

Октина Хаша ответ не удовлетворил. Он громко свистнул. Тут же все в лагере позабыли о динозавре. Поднялась суeta, словно в муравейник капнули кипятком. Воины затолкали пленников в кибитку.

– Идиот, – Жан ударил кулаком по центральному шесту кибитки. – Мальчишка!

Неожиданно, как будто остановились часы, суматоха улеглась. Один из воинов, что стояли в проеме кибитки, сказал что-то.

– Он говорит – поймали, – сказал Жан.

Октин Хаш вошел в кибитку.

– Плохой раб не нужен хозяину, – сказал он, глядя на Андрея и чуть улыбаясь. – Ты понимаешь, вождь.

Жан добавил от себя:

– Я боюсь, что его убили.

– Я тоже, – сказал Андрей.

Октин Хаш спокойно слушал, как разговаривают пленники. Когда он решил, что пленники поговорили достаточно, он сказал длинную фразу, которая привела в смущение Жана. Тот начал спорить. Октин Хаш почти игриво погрозил ему нагайкой и ушел.

– Что еще он придумал?

– Он сказал, что ты поедешь с колдуном к святилищу ведьм. Ты вождь. Тебя ждут ведьмы. А я останусь здесь. Я ему сказал, что мы не хотим разлучаться.

– Что это за святилище?

– Я там не был. Это где-то в горах. Судя по съемкам, там ничего интересного.

Смеркалось, в кибитке был полумрак, у входа чернели неподвижные силуэты воинов. Андрею почудилось, что в дальней стороне кибитки стоит Аксель. Но это была лишь память об Акселе. Андрею хотелось верить, что Аксель жив – только отделен от них. И потому они с Жаном не говорили о нем.

– У тебя есть план? – спросил Жан.

У Жана была странная привычка – разговаривая, он потирал руки, словно готовился рассказать очень смешной анекдот.

– Дождемся ночи. Я думаю, они все будут спать. Нам надо добраться до лошадей. Без них нас сразу догонят.

– Я никогда не ездил на лошади, – сказал Жан виновато.

– Другого выхода нет. Мы должны рассчитывать на то, что за планетой наблюдают с корабля.

– А как мы дадим о себе знать?

Андрей пожал плечами.

Полог откинулся, показав зеленое вечернее небо. Громоздкий силуэт колдуна закрыл небо. Визгливый голос наполнил кибитку.

– Он говорит, – в голосе Жана было отчаяние, – чтобы ты выходил.

– Значит, планы несколько изменились, – сказал Андрей, стараясь, чтобы голос его звучал бодро. – Ты жди меня. Все кончится хорошо.

Жан подошел к Андрею. Его глаза в полутьме казались черными колодцами. Жану было страшно. Он никогда в жизни не оставался один среди тех, кому все равно – жив ты или нет.

Жан протянул руку – холодную и влажную. Они обнялись. Колдун покачивался в проеме. Жан дошел с Андреем до выхода. Дальше его не пустил воин.

Группа всадников ждала на пыльной площадке. Андрею и колдуну подвели коней. Ноги Андрею связали под животом коня. Рядом ехали воины.

Обернувшись, Андрей увидел, что в становище царит оживление. С некоторых кибиток стянули шкуры – остались лишь громадные клыки мастодонтов. Пыль от конских копыт завилась смерчем.

На «Гранате» тоже видели этот клуб пыли – серое пятно на темной равнине. Дежурный дал максимальное увеличение – отряд состоял из степняков, их можно было угадать по одежде и странным прическам. Дежурный понял, что из становища отправились разведчики, может, охотники. И отметил этот факт в журнале наблюдений.

Отметил он также и то, что, едва стемнело, другие всадники отправились из лагеря, в котором укрывались остатки стаи Белого волка. Приблизившись к становищу Октина Хаша, они замедлили движение, поднялись на пологий холм недалеко от становища и там спешились.

Дежурный с интересом наблюдал за этими перемещениями. Как странно, думал он, я вижу этих людей с немыслимой для них высоты. Для меня они – точки, муравьишки в темной бескрайности степи. А каждый из них – особый мир. У кого-то из всадников болит зуб. А другой думает о своих детях, оставшихся в становище. Или проклинает вождя, который послал его, на ночь глядя, в дорогу. Эти дороги в степи могут привести к смертельной стычке. Будут свистеть стрелы, а я их не услышу. И кто-то из всадников будет корчиться в траве, обливаясь кровью, и встретится, не зная об этом, последним взглядом со мной.

12

Через полчаса отряд перешел на шаг. Степь казалась огромной чашей, наполненной парным зеленым воздухом и ароматом теплых трав. Здесь, на открытом пространстве, цикад было куда меньше, и их пение не заглушало иные звуки – далекий рев и уханье какого-то зверя, возникший из ничего и угасший вдали топот множества копыт, визг настигнутого совой грызуна... Спереди загорелись фонариками зеленые глаза.

– Йийй-хо! – завопил воин, что ехал рядом с Андреем, ударил пятками в бока коню. Тот рванулся вперед. Воин метнул копье, раздалось рычание. Огоньки исчезли.

Толстый колдун, оседлавший коня, заговорил тонко и быстро. Он склонил голову, чтобы заглянуть Андрею в глаза, словно не мог допустить мысли, что на свете есть люди, не понимающие его.

– Что ж тебе сказать? – ответил Андрей по-русски. – Меня тоже интересует, куда мы едем на ночь глядя? Наверное, вы торопитесь, если не легли спать, как положено людям.

– Хо! – сказал колдун, словно был удовлетворен ответом.

Потом ехали молча. Воины не разговаривали. Они настороженно прислушивались к звукам ночной степи, непонятным для Андрея.

Впереди показалось темное пятно – воины увидели его раньше, чем Андрей. Заговорили. Воин оттянул нагайкой коня, на котором ехал Андрей, чтобы тот не отставал.

Через несколько минут отряд приблизился к куще деревьев. Они окружали низину, в которой, журча по камешкам, бил родник.

Зашелестела листва – в воздух поднялись испуганные летучие мыши. От деревьев в степь ринулись маленькие антилопы. Несколько воинов поскакали за ними, стреляя из луков. Большая змея, приминая траву, скользнула у самых ног коня, тот встал на дыбы, захрапел, и воин еле успел поддержать Андрея.

Воины спешили. Видно, решили остановиться на ночь. Андрей был несказанно рад – связанные ноги затекли, и все тело ломало – на коне он не ездил лет десять, без седла – никогда. Когда ему развязали ноги, он упал, и воины долго смеялись.

Колдун достал кремь, трут и стал выжигать огонь. Воины притащили сухие ветки. Скоро разгорелся костер.

Странно, подумал Андрей, какого черта они выехали вечером и через три часа остановились на ночевку? Почему не отправиться в путь с утра?

Где– то шумела речка -ночью звуки разносятся далеко. Воины развязывали мешки, что висели у них на поясах, доставали еду. Никто не подумал накормить Андрея. Ему хотелось одного – вытянуться во весь рост и утихомирить боль в ногах и спине.

Не спалось. Усталые мысли крутились вокруг возможности убежать.

Они меня не связали. Может, забыли. Или не считают нужным. От становища ехали степью, ровно, без ориентиров. Проехали километров тридцать. Если даже с корабля сканируют поверхность планеты, меня не заметили. Да и как заметишь – я не отличаюсь от прочих степняков. Надежда одна – дать знак на орбиту. Все это благие мечтания в духе романтиков.

Допустим, я увел коня, допустим, мне удалось ускакать. Как я укроюсь от погони, если они знают каждый уголок степи?

Воины сидели у костра и тихонько завывали. Толстый колдун хлопал в ладоши и порой взвизгивал.

Андрей пошевелил пальцами ног, вроде бы ноги отошли. Он не спеша поднялся, как поднимается дрессировщик в обществе еще не укрощенных тигров: главное – не спугнуть.

Колдун посмотрел на него, что-то спросил. Андрей выразительно показал, что ему надо по нужде. Колдун кивнул – понял. Один из воинов поднялся, подобрал с земли копье и пошел следом за Андреем, не спуская с него глаз.

Когда Андрей вернулся, колдун протянул ему баклагу с водой. Воин связал ему ноги и руки. Они не хотели рисковать.

Хорошо герою приключенческого романа. Он обязательно перетрет узы о кстати попавшийся корень и на быстром коне умчится навстречу ветру, где его ждут друзья. Андрей подвигал руками. Веревка была замотана надежно.

Костер догорал. Один из воинов улегся рядом с Андреем. Колдун сидел у затухающего костра, как нахохлившийся пушистый птенец. О чем он думает? Может, о смысле жизни? Андрей устроился поудобнее. Какое-то насекомое пробежало по руке. Воин поднялся и пошел к краю леса, в дозор. Шумела речка. Что-то прошуршало в траве. Вот ты и путешествуешь по экзотической планете, капитан Брюс. Несколько неожиданным образом. Андрей беспрестанно шевелил кистями рук, чтобы ослабить веревку. Не потому, что надеялся чего-то этим достичь, – тело требовало действий... Пропал без вести, напишут обо мне.

13

Когда все тело насторожено, мозг оставляет бодрствовать малый свой участок, и от любого прикосновения, от звука ты просыпаешься, но остаешься недвижим. Ты среди врагов...

Андрей проснулся, но не открыл глаз. Он ждал. Чья-то рука ощупала его лицо. Пальцы были жесткими. Потом к уху прикоснулись теплые губы и, как дуновение ветра, слышался шепот:

– Андрей.

Андрей открыл глаза и очень осторожно повернул голову. Начинался рассвет, воздух был синим. Он увидел рядом чью-то голову, блестят, отражая свет звезд, глаза.

– Тихо-тихо, – прошептала Белогурочка.

Андрей заметил, как блеснуло лезвие ножа. Нож врезался в веревку. Он быстро и легко пилил ее. Веревка лопнула, лезвие соскочило и полоснуло по руке. Было почти не больно, но сразу пошла кровь. Андрей прошептал:

– Ноги тоже.

Тень заслонила звезды – Белогурочка склонилась к ногам.

– Ползи за мной, – сказала она, выпрямляясь.

Белогурочка держала его за руку и тянула за собой. Андрей медленно приподнялся, колено натолкнулось на руку воина, спавшего рядом. Он еле подавил крик, метнувшись в сторону.

– Не бойся, – шепнула Белогурочка. – Он не живой.

Вот и край леса. Степь была серебряной от света луны. Прямо перед ним стоял всадник, слишком большой на фоне неба.

– Это мой брат, – сказала Белогурочка.

Всадник держал на поводу двух коней.

«Только не верхом!» – чуть не вырвалось у Андрея.

Без стремя забираться на коня было неудобно. Андрей сорвался. Конь переступил копытами и вдруг заржал. Брат Белогурочки рванул Андрея за локоть, помогая взобраться на коня. Получился шум. В то же мгновение сзади из рожи раздался крик.

– Скорее! – крикнула Белогурочка. И что-то еще, отрывисто, брату.

– Ийиех! – крикнул тот. – Ийиех!

Его крик потонул во взрыве конского топота и оглушительных воплях. Из степи неслись навстречу всадники. Конь Андрея закрутился на месте. Белогурочка, которая уже твердо сидела верхом, вцепилась в гриву коня и повлекла его за собой, навстречу всадникам, которые пролетели совсем рядом, стремясь к роще. Андрей и Белогурочка поскакали прочь.

– Это мои! – крикнула Белогурочка.

Сзади неслись вопли, звон клинков, визг, ржание коней. Белогурочка скакала впереди. Андрей за ней. Его конь сам знал, что ему делать. Андрею надо было лишь удержаться на нем.

Степь пошла под уклон. Внизу было неровное море тумана, и Белогурочка постепенно проваливалась в него. Туман подступал к брюху коней, затем невесомой муťou скрыл Белогурочку по пояс, по грудь, по шею – с головой. И она пропала в тумане. А потом ничего не было видно. Только стук копыт спереди и крики сзади.

– Осторожно! – крикнула Белогурочка из тумана. – Будет вода!

Конь слушался плохо, словно понимал, что его всадник неуверен.

Вода журчала рядом. Сквозь журчание прорвался всплеск, покатылся камень. Туман отнесло ветром, и Андрей увидел, что впереди широкая беспокойная полоса воды, сквозь неглубокий слой которой видны обкатанные камни. Конь ступал осторожно, камешки распозались под копытами. Быстрая вода бурунами вскипала у ног.

– Эй! – негромко окликнула его Белогурочка. – Ты живой?

– Все в порядке, – сказал Андрей.

Переправа через речку, оказавшуюся хоть мелкой, но очень широкой, заняла много времени. Потом берег полого пошел вверх, и еще через несколько минут они выбрались из тумана.

Звезды потускнели, у горизонта тянулась розовая полоса – собиралось взойти солнце. Было такое ощущение, словно поднялся над облаками – ватный покров тумана скрывал землю и съедал звуки.

Белогурочка прислушалась. Андрею казалось, что ни один звук не вырывается из-под белой ваты. Но она все же услышала. Сказала:

– Можно немного отдыхать.

– Как ты меня нашла? – спросил Андрей.

– Наш человек смотрел за вами.

Быстро светало. Словно отдохнув за ночь, в мир возвращались краски. Лоб Белогурочки был перетянут металлическим обручем, украшенным аметистами, за обруч заткнуто большое синее перо, словно Белогурочка играла в индейцев. Она походила на мальчишку. Волосы острижены коротко, торчат бобриком, тонкий нос с горбинкой, раздутые ноздри, впалые щеки, глаза внимательные, настороженные. На Белогурочке была черная кожаная куртка с нашитыми на нее костяными пластинами, короткая юбка доставала до середины бедер. Руки обнажены, за широким поясом два ножа.

– Они за нами гонятся? – спросил Андрей.

– Не сейчас. Позже. Но они не успеют.

– Объясни, – сказал Андрей. Ему очень хотелось сойти с коня – он все-таки не создан для верховых прогулок. Но перед девушкой было неловко признаваться в этом. Она казалась девицей-кентавром – одно целое с конем.

– У нас мало воинов, – сказала Белогурочка. – Совсем мало. Сколько пальцев на руках. Понимаешь?

– Десять.

– Десять. И еще два. И отец мой больной. Отец сказал – Октин Хаш нарушил мир. Октин Хаш враг. Враг наш и наших друзей. Ты понимаешь? Он убил господина Конрада. Он убил Медею. Он увел в плен троих мужчин.

– Акселя убили?

– Акселя убили. А мы не могли убить Октина Хаша. У него много людей. Они смотрят.

Потом мой брат прискакал и говорит – того, кто прилетел вчера, повезли к святилищу ведьм. С ним две руки воинов и колдун, который не мужчина. Тогда я сказала: мужчина, который прилетел вчера, – великий вождь Андрей. Отец болен. Нам нужен новый вождь. Ты будешь мой мужчина. Ты понимаешь?

– Почти все, – сказал Андрей, сдерживая улыбку. Он и не подозревал, что его судьбой намерен распоряжаться не только Октин Хаш.

Белогурочка угадала улыбку в его глазах.

– Не смейся! – Она ударила коленями коня, и тот взвился на дыбы. – Ты будешь смеяться, я тебя убью. Нельзя смеяться надо мной. Духи увидят, что смеются над дочерью вождя, и будет позор нашей стае.

– Я не смеюсь, – сказал Андрей. – Рассказывай дальше.

– Мы догнали вас у маленького леса, где надо спать.

– Почему мы выехали вечером? – спросил Андрей. – А потом остановились?

– Это ясно, – сказала Белогурочка. Почему-то она полагала, что ясное ей должно быть ясно и Андрею.

Она замолчала, прислушиваясь. Последние звезды погасли, где-то в тумане у воды глухо запела птица.

– Все, – сказала Белогурочка. – Катурадж.

– Что?

– Катурадж – это значит прощай, – сказала девушка.

– С кем ты прощаешься?

– С братом, – сказала Белогурочка. – Его больше нет.

– Он умер?

– Он ушел туда. – Белогурочка показала вверх, к редким перистым облакам.

Лицо ее было спокойным. Непонятно было, горевала она или смирилась с неизбежным.

– Это все я придумала. Как я тебя разбужу и выведу. Один человек рядом с тобой проснулся. Я его убила. Я тебя вывела. И мои братья напали на колдуна и его людей. А потом поскакали в другую сторону. Колдун думает, что ты вместе с ними. И они скачут за моими братьями. А мы перешли реку.

– Они догнали братьев?

– Они догнали одного брата... другие ускакали.

– Ты так далеко слышишь?

– Я слышу тут, – она показала себе на грудь. – А тут, – она показала на ухо, – слышу, как колдун и его люди вернулись в маленький лес и теперь ищут наши следы. Скоро они поскачут сюда.

– Нам надо спешить?

– Подожди. – Белогурочка соскочила на землю. К куску кожи, который заменял ей седло, была приторочена сумка. Она достала оттуда два куска вяленого мяса. – Мы будем есть.

Андрей подчинился. Он не понимал, почему сначала они так спешили, а теперь должны ждать.

– Нас не догонят? – спросил он.

– Немного не догонят, – сказала Белогурочка.

Она уселась, скрестив ноги, на покрытую росой траву и принялась отхватывать куски мяса белыми крепкими зубами.

– Ешь, – сказала она, заметив, что Андрей держит мясо и прислушивается. – Ты мужчина, тебе не должно быть страшно.

– Согласен, – сказал Андрей. – А зачем меня повезли в это... святилище?

– В святилище ведьм? Ведьмы тебя ждут. Ты особенный. Ведьмы будут довольны. Они помогут Октину Хашу.

– Очень приятно, – сказал Андрей.

– Это неприятно. – Белогурочка не шутила. – Потом тебя отдадут великой рыбе.

Катурадз.

- Ты не хотела, чтобы меня отдали ведьмам?
- Зачем нам мертвый вождь? – удивилась Белогурочка.
- Ты права, – согласился Андрей.

Туман уполз, словно втянутый рекой. Открылся дальний берег – он полого поднимался, переходя в ровную степь, и далеко, у самого горизонта, Андрей различил темное пятно – рощу, где он ночевал. У того берега, погрузившись по колени в воду, стоял небольшой ящер и лениво поводил головой, словно раздумывал, то ли ему окунуться, то ли лучше погреться на солнце, край которого уже показался над горизонтом.

Вдруг ящер резко поднял маленькую изящную змеиную голову. Андрей поглядел вдаль и увидел, что от рощи по реке скачут маленькие всадники.

– Смотри, Белогурочка! – сказал Андрей. Он отбросил недоеденный кусок мяса и сделал шаг к коню. Конь тоже насторожился. Его ноздри трепетали.

– Я слышу, – сказала Белогурочка. Она подобрала с земли кусок мяса и спросила: – Ты не будешь есть?

– Нет.

– Не кидай мясо – это пища. Его надо класть в сумку, если не доел. – Она говорила голосом старшей сестры, которая вынуждена втолковывать простые вещи неразумному братцу.

– Ты почему стоишь?

– Сюда не достанет, – сказала Белогурочка.

Ящер побежал от воды, навстречу всадникам. И тут Андрей услышал нарастающий шум – глухой и непонятный, в нем была такая грозная настойчивость, что Андрей замер, глядя туда, где в остатках тумана нечто огромное и несокрушимое двигалось вверх по течению. Он даже непроизвольно отступил на несколько шагов вверх по склону, но остановился. Белогурочка не двинулась с места.

Всадники заметили беглецов. Они стали осаждать коней. Один из них поднял лук и выстрелил через реку.

Стрела не долетела до Белогурочки. Тогда самый отчаянный из воинов ударил коня хлыстом, тот подчинился хозяину и помчался.

Словно разворачивали гигантский сверкающий ковер, округлым валом поднималась волна, выталкивая пеной мирно журчавший слой воды.

Всадник, который столь неосмотрительно подскакал к воде, разворачивался. Конь перепугался, крутился на месте, когда вал уже был близко, он сбросил всадника, их обоих подхватила вода, закрутила... Андрею почудилось на секунду, что голова лошади показалась в пене, – но вал уже промчался дальше, и вода успокаивалась. Река стала вдвое шире. Угасающий грохот волны дополнился звонким смехом Белогурочки.

– Ты что? – спросил Андрей, все еще потрясенный.

– Ты видел, как смешно? – сказала она, вытирая слезы. – Иеех! И нет его.

– Не знаю, – сказал Андрей. – По-моему, это не смешно.

– Он был враг, – пояснила Белогурочка.

– Скажи, – спросил Андрей, – а далеко отсюда море?

– Море?

– Большая вода. Очень большое озеро, которому конца не видно.

– Большая вода – полдня пешком.

– Волна приходит каждый день?

– Каждый день. На рассвете.

– Значит, каждый день на рассвете по реке проходит приливная волна. И все об этом знают. Поэтому колдун выехал вечером, чтобы до утра успеть перейти реку. И ты не боялась, что они нас догонят.

– Конечно, – сказала Белогурочка равнодушно. – Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

– Что же дальше?

– Дальше мы пойдем к месту, где гора разрезана кинжалом, – сказала Белогурочка. – Там будут ждать мои братья. Пора.

Она показала на тот берег. Воины Октина Хаша сошли с коней и собрались в круг. Над ними поднялась тонкая струйка черного дыма. Она становилась гуще и поднималась все выше. Потом колдун что-то кинул в костер, и дым стал оранжевым.

– Что они делают? – спросил Андрей.

– Это знак, – сказала Белогурочка – Они дают знак своим людям на этом берегу. Они видят знак и спешат нас схватить.

– Понял, – сказал Андрей.

На этот раз он с первого раза вскочил на коня. И конь, видно, привык уже к нему.

Вскоре преследователи скрылись из глаз, но столбы черного и оранжевого дыма виднелись еще долго.

14

Кони трусили довольно резво, утро было прохладным и влажным. Травы щедро делились с воздухом своим ароматом. Яркие бабочки и громадные стрекозы реяли над травой. Одна из стрекоз, крылья в полметра, лениво уходила от археоптерикса, который раз за разом промахивался, обманутый неспешностью стрекозиноного полета. Белогурочка направлялась не прямо к холмам, а держалась недалеко от реки. Андрей поравнялся с ней, и они поехали рядом.

– Я не хочу прямо, – сказала она. – Они думают, что мы поедем прямо. Они там ждут.

Она показала в сторону холмов.

– Нам долго ехать? – спросил Андрей.

– Долго. Только не очень. Твоя стая погибла, – сказала Белогурочка. – Теперь ты в стае Белых волков. Мой отец умирает, ты будешь наш вождь. Хорошо?

– Я думаю, что моя стая не погибла, – сказал Андрей. – За нами прилетят.

– Это хорошо, – сказала Белогурочка. – Они придут, и мы вместе убьем Октина Хаша.

Не было смысла разубеждать.

– У Октина Хаша остался Жан, – сказал Андрей. – Мне надо его освободить.

– Его, наверное, не убьют, – сказала Белогурочка. – Октин Хаш его будет держать. Жан знает язык. Он колдун.

Андрей поверил Белогурочке. Это было разумно – переводчик пригодится Октину Хашу, предусмотрительность которого порой поражала. Но тут же Белогурочка разрушила иллюзию.

– Только теперь он, пожалуй, отдаст Жана ведьмам, – сказала она задумчиво.

– Почему?

– Ты – большой вождь. Тебя хотят ведьмы. А если тебя нет, кого им отдать? Надо взять другого. Очень просто.

– Жана принесут в жертву вместо меня?

– Больше у него нет людей из твоей стаи, – сказала Белогурочка. – Очень жалко Жана. Он хороший. Он меня учил.

– Мы можем его освободить?

– Я не знаю, – сказала Белогурочка. – У нас нет людей. Совсем мало моих братьев. Они согласились освободить тебя, потому что я сказала, что ты мой мужчина и великий вождь.

– Жан тоже будет мужчина в нашей, в вашей стае.

– Ты не умный, – Белогурочка нахмурилась. – Чтобы освободить Жана, надо, чтобы погибли все мои братья.

– Но почему они должны погибнуть?

– Потому что Октин Хаш сам повезет Жана к святилищу. Он не хочет два раза ошибиться. Нельзя сердить ведьм.

– Когда Октин Хаш поедет к этому святилищу?

– Он идет медленно. Много повозок, много людей – идут медленно. А тебя послали вперед, чтобы быстро. Надо понимать!

Белогурочка ударила пятками по бокам коня, и тот поскакал быстрее. Конь Андрея припустил за ним.

Дикая, тупиковая ситуация. Оказывается, своим освобождением он ставит под угрозу жизнь Жана. Черт бы побрал эту планету!

– Скорей! – крикнула Белогурочка. Она гнала коня к небольшому крутому холму, который, как темя ушедшего в землю великана, поднимался над степью.

В голосе ее чувствовалась тревога. У Белогурочки была замечательно организованная нервная система – она переживала ровно столько, сколько необходимо. Ни секунды более. Дополнительные тревоги, которые с помощью воображения взваливает на себя цивилизованный человек, ее не мучили.

Кони, быстро дыша, внесли их на холм.

– Смотри, – сказала Белогурочка.

Андрей ничего не видел.

– Ты как старый слепой старик, – сказала Белогурочка. – Как ты стал вождем, если ты такой глупый?

И тут Андрей увидел. По степи, раздвигая высокую траву, плыла бурая туша.

– Сколько мяса! – произнесла Белогурочка. – Сколько хорошего мяса. Его трудно поймать.

Огромный мастодонт – туша на толстых ногах, хобот вытянут вперед, трехметровые бивни торчат кверху – приближался к холму. И только тогда Андрей увидел преследователей. Сначала ему показалось, что это большие обезьяны, рыжие и серые. Они бежали, порой становясь на четвереньки, а порой выпрямляясь и передвигаясь на двух ногах. Бежали они молча, и степь, столь оглушительно певшая, замолкла и пережидала погоню.

Когда мастодонт приблизился, Андрей понял, что эти существа слишком велики и слишком легко передвигаются на двух ногах, чтобы быть обезьянами.

– Уууш, – прошептала Белогурочка. – Очень плохие.

Мастодонт выдыхался, лишь ужас гнал его вперед. Один из преследователей обогнал его и, подпрыгнув, ухватился за бивень. Мастодонт задрал голову вверх, и преследователь взлетел высоко над землей, но не ослабил хватки. Как бы повинувшись этому сигналу, остальные кинулись на мастодонта, хватая его за ноги, взбираясь на спину, и тот, как жук, облепленный муравьями, волочил врагов вперед, и в этом была безнадежность жертвы, которая почувала близость смерти.

Андрей заметил, что у одного из охотников, который вцепился в загривок мастодонта, в руке большой острый камень и он быстро и яростно долбит этим камнем основание шеи мастодонта. Оттуда фонтаном брызнула густая, почти черная кровь. Мастодонт как-то сразу ослаб, перешел на шаг и упал метрах в двухстах от холмика, на котором стояли люди.

– Скорей, – прошептала Белогурочка, – пока они заняты.

Они начали спускаться так, чтобы холм остался между ними и обезьянами. Андрей обернулся и увидел морду, вернее, лицо обезьяны – одна из них услышала стук копыт и поглядела им вслед.

Это была не обезьяна. Но и не человек.

– Питекантроп, – произнес вслух Андрей.

– Они очень плохие, – сказала Белогурочка, оборачиваясь и торопя коня. – Хорошо, что они заняты. Они бегут как кони. Если им попадается человек, они убивают и едят.

– А вы их убиваете? – спросил Андрей.

– Конечно, убиваем, – сказала Белогурочка. – Они же плохие. Когда наша стая была большая и сильная, мы один раз делали большую охоту. Я пять стрел пустила в одного, а он все равно хотел меня убить. Это была большая охота, йех!... Только мясо у них совсем невкусное.

Андрей еще раз обернулся. Холм скрыл от них питекантропов.

Степь снова оживала, наполняясь гулом и пением насекомых и птиц. И казалась пустынной, лишь далеко, у самого горизонта, паслись какие-то крупные животные.

– Андрей, – сказала Белогурочка, – возьми.

Она передала ему нож. Нож был железный.

– Откуда вы их берете? – спросил Андрей. – Разве вы умеете делать такие ножи?

– Нет, – сказала Белогурочка. – Мы их меняем на разные вещи.

– У кого?

– Раньше, когда не было Октина Хаша, мы посылали людей к святилищу ведьм. Ведьмы давали нам ножи и другие железные вещи. А теперь мы не можем туда идти. Только Октин Хаш ходит туда. У нас осталось мало стрел и ножей.

– А откуда железо у ведьм?

– Разве кто знает? Ведьмы делают его, правильно?

– Вот это меня и интересует, – сказал Андрей.

– Мы туда не пойдем, – сказала Белогурочка твердо.

– Но нам надо освободить Жана.

– Я могла спасти тебя, потому что у колдуна было мало людей. А Жана спасти нельзя. Как ты будешь воевать со всеми воинами Октина Хаша? Они тебя убьют. У них столько стрел, что тебя превратят в большого ежа. Вот сколько будет из тебя торчать стрел.

Они ехали без происшествий еще часа три. Стало жарко. Ветер утих, небо стало белым и горячим. Кони плелись еле-еле.

– Они пить хотят, – сказала Белогурочка.

– Мне тоже хочется, – сказал Андрей.

– Скоро будет вода. Надо ждать. Ты как маленький. Разве мужчина говорит, что хочет спать и есть?

– А женщины говорят?

– Только рабыни, – сказала Белогурочка, и по ее тону было ясно, что она не рабыня.

Горы приблизились и постепенно потеряли прозрачность голубизны. Они оказались палевыми, выцветшими.

– Мы там будем ждать, – сказала Белогурочка. – Туда придут братья. Теперь уже недалеко.

Копыта коней зацокали по твердому. Перемена в звуке была столь неожиданна, что Андрей вздрогнул. Оказалось, что они выехали на дорогу. Дорога была старой, в трещинах бетона проросла трава.

– погоди, – сказал Андрей, останавливая коня и спрыгивая на бетон.

– Нам надо спешить, – сказала Белогурочка. – Зачем ты слез?

– Мне надо поглядеть, – сказал Андрей. – Эта дорога куда идет?

– Я не знаю.

– Она здесь давно?

– Глупый, это старая дорога. Она здесь всегда.

Андрей отколупнул кусочек бетона. Бетон был стар и крошился.

Андрей посмотрел вперед – дорога пропадала в высокой, в рост человека, траве. Он обернулся – дорога терялась в зелени.

– Это очень интересно, – сказал он, взбираясь на коня. – А другие дороги здесь есть?

– Такие дороги? Есть. А что?

– И вы никогда не задумывались, кто их проложил?

– Мы знаем. Это старые люди. Те, что жили здесь до нас.

– А куда они делись?

– Я же сказала – старые люди. Они умерли. Это все знают.

Они поехали дальше по дороге. Порой она совсем пропадала в траве и в кустах, порой попадался сохранившийся отрезок. В одном месте дорога пересекала рощицу, раскидистое дерево росло посреди бетона. Дереву было лет сто, не меньше.

Белогурочка дорогой не интересовалась, она была настороже, поглядывала по

сторонам.

– Ты чего боишься? – спросил Андрей. – Зверей?

– Я ничего не боюсь, – сказала Белогурочка. – Но нас ищут. Вся степь знает, что я тебя украла.

– Скажи, а ты никогда не видела домов? Не таких, как твой лом, а домов, сделанных из камня.

– А зачем дом из камня? – удивилась Белогурочка. – Как ты его сложишь, когда хочешь откочевать?

– А может, старые люди не кочевали? Ведь мы не кочуем.

– Вы не кочуете? А зимой, когда звери уходят на юг в теплые места? Когда снег? Что вы будете кушать? Надо откочевать.

– Значит, не видела?

– Поехали скорей, – сказала Белогурочка. – Мне не нравится.

– Что тебе не нравится?

– Не нравится, и все тут! – Белогурочка поскакала вперед, ударяя голыми пятками в бока своего коня, и Андрей хотел было последовать за ней, но тут увидел на дороге, в широкой трещине нечто блестящее.

– погоди! – крикнул он Белогурочке. – Одну секунду!

Соскочив с коня, он побежал назад.

Так и есть: он вытащил из трещины несколько небольших, как горошины, металлических шариков. Их поверхность была совершенно гладкой, коррозия их не тронула. Даже самый умелый кузнец не смог бы выковать или отлить такой шарик. Теперь у него не оставалось сомнений, что на этой планете раньше жили иные люди. Святилище ведьм приобретало особый интерес. Может, оно связано с памятью о пришельцах. Может быть, именно там и можно будет придумать, как дать о себе знать.

Белогурочки не было видно – высокая, в человеческий рост, трава скрыла ее. Конь, не дожидаясь Андрея, пошел вслед за Белогурочкой, и Андрею пришлось бежать за ним, на бегу придумывая, куда бы спрятать шарики, – карманов на шкуре не было. Конь подпустил Андрея на несколько шагов, но тут же передумал и потрусил прочь. Запихав шарики за щеку и невнятно мыча, Андрей помчался следом.

– Эй! – крикнул он, и голос его угас, заглушенный травой и размытый густым жарким воздухом.

Ему показалось, что спереди донесся крик. Трава стояла неподвижная и густая, жужжали мухи, у ног скользнула ящерица с громадной головой. Под ногами была жесткая земля. И вдруг он понял, что, если Белогурочки нет, он навсегда останется в этом травяном лесу. И Андрей испугался. Испугавшись, он остановился и постарался думать трезво.

Просчитав до ста и ничего не услышав, Андрей двинулся вперед. Он постарался представить себе направление, в котором они двигались. Солнце должно быть в тридцати слева по направлению движения. Там холмы. Там ждут братья. Дорога должна быть рядом, дорога очень важна.

Заржал конь. Его конь? Совсем близко. Стучат копыта. Глухо, все ближе.

Андрей обернулся и увидел, что к нему медленно едет всадник. Кожаная черная куртка, короткая меховая юбка, волосы гребнем, как и у Андрея, на шее ожерелье из желтых зубов, в руке копьё.

Кто он? Воин Октина Хаша или родственник Белогурочки? Андрей подавил в себе мгновенное желание нырнуть в траву и скрыться. Он понял, что с коня он будет виден. Потому стоял, положив ладонь на рукоять кинжала.

– Фррре, – радостно сказал воин. словно встретил старого друга.

Он поднял копьё. Значит, это не брат Белогурочки. Тот не стал бы угрожать копьём.

Андрей стоял неподвижно, напрягшись, и ждал. Надо вести себя не так, как хочет того воин.

Воин прокричал снова. Конец копьё был в полуметре от головы Андрея. Воин перестал

улыбаться.

– Ы! – крикнул он и ткнул копьём в Андрея.

Перед ним был раб. Беглый раб. И он презирал его.

Этого не следовало делать гордому степняку.

Андрей рассчитывал на то, что степняк не выпустит копьё. Потому он схватился за основание наконечника и дернул дважды с промежутком в полсекунды. Первый раз, чтобы воин посильнее схватился за копьё, опасаясь, что копьё вырвут из руки. Второй раз Андрей дернул изо всей силы. И был прав. Легкий маленький воин, сидевший на коне без седла, описал в воздухе широкую дугу, и Андрею пришлось отскочить, чтобы воин его не задел.

Падая, воин выпустил копьё и, тяжело ударившись о землю, все же нашел в себе силы вскочить. И кинулся на Андрея. Но тут уж они были равны. Андрей ударил противника в скулу. Воин послушно лег у его ног. Нокаут был глубоким.

Андрей снял с воина широкий пояс с кармашками – мечту путешественника, надел. Потом выплюнул на ладонь шарики и спрятал в карман пояса.

Подобрал с земли копьё. Все это заняло меньше минуты.

Конь воина стоял в двух шагах и не делал попыток убежать. Андрей вскочил на него. И когда выпрямился, глаза его оказались на метр выше травы.

Белогурочка была совсем недалеко, метрах в двухстах. Правда, Андрей не сразу сообразил, что это она, потому что Белогурочка лежала поперек конского крупы. Голова ее свисала вниз. А воин, который ее пленил или убил, ехал навстречу Андрею, крутя головой, потому что потерял из виду своего товарища. Он увидел Андрея. Но смотрел он против солнца, потому не сразу сообразил, что вместо товарища видит врага. Он крикнул радостно и стегнул коня, чтобы скорее встретиться с Андреем.

Андрей поскакал ему навстречу. Новый конь был крупнее и сильнее старого. Копьё Андрей держал в поднятой руке. Воин сообразил, что ошибся, и растерялся. Ускакать он не мог – для этого надо было сбросить Белогурочку. Потому он решил принять бой. Правда, с опозданием. Андрей уже подсккал к нему, угрожающе крича и свистя. Он входил в роль странствующего рыцаря.

Андрей уклонился от направленного ему в грудь копья и плашмя ударил воина наконечником по голове. Тот охнул и свалился в траву. Конь его пробежал несколько шагов и остановился.

– Андрей! – закричала Белогурочка.

Он догнал коня, разрезал ножом веревки. Девушка скользнула на землю. Она стояла, опираясь о бок коня.

– Ты настоящий воин, – сказала она удовлетворенно.

В траве послышался шорох – поверженный воин убежал. Глазищи Белогурочки загорелись желтым кошачьим огнем. Белогурочка взлетела на коня, успев выхватить у Андрея копьё, и помчалась в погоню.

– Стой, Белогурочка! – крикнул ей вслед Андрей. – Пусть бежит. На что он тебе?

Тонкая смуглая рука Белогурочки взлетела вверх. Сверкнул наконечник копья. И тут же – короткий звериный вопль. Белогурочка нагнулась, сорвала пук травы и вытерла окровавленный наконечник копья. Она оглянулась.

– А тот, второй, где он?

– Там лежит, – не стал уточнять Андрей.

– Ты настоящий воин. Я горда, что у меня такой мужчина, – сказала девушка. Из глубокого разреза на бедре сочилась кровь.

– Тебя ранили? – спросил Андрей.

– Не больно, – сказала Белогурочка. – Поехали дальше, у нас мало времени.

длинные листья почти не давали тени.

– Сюда, – сказала Белогурочка, поворачивая в чашу.

Андрей поехал было следом, но отшатнулся – на ветвях сидели, тупо уставившись на пришельцев, огромные скорпионы. Белогурочка, не оборачиваясь, поняла, что испугало Андрея.

– Не бойся, – сказала она, – они только весной кусают.

Один из скорпионов сорвался с ветки и упал на голое колено. Андрей паническим движением смахнул его и сжался – ему показалось, что эти твари сейчас начнут сыпаться на спину.

В кустах была поляна. Посреди нее – ровное каменное кольцо диаметром около метра. Белогурочка легко соскочила с коня, взяла пустую сушеную тыкву, что валялась рядом, и опустила ее на веревке внутрь кольца. Послышался плеск.

Андрей тоже сошел с коня. В колодце чернела вода.

– Хорошая вода, – сказала Белогурочка, вытаскивая тыкву.

Андрей попытался проглотить слюну, но слюны не было. Главное – вытерпеть, пока девушка напьется, не показать виду, что ты готов вырвать у нее из рук эту тыкву.

Белогурочка отошла в сторону, где лежал большой плоский камень с углублением в центре. Она вылила туда воду.

– Ты что делаешь? – хрипло спросил Андрей.

Но ответа уже не требовалось. Оба коня уже тянули морды к воде. Прошла вечность, прежде чем кони напились. Только потом Белогурочка протянула тыкву Андрею. Он покачал головой.

– Пей.

– Ты мужчина.

– Пей же!

– Не сердись, – сказала Белогурочка, внимательно глядя на него. – Ты странный. Ты нарушаешь закон. Всегда поят по порядку. Сначала коней – они не могут сами достать воду. Потом мужчин – они не умеют терпеть. Потом женщин.

Но Андрей упрямо отвернулся, и Белогурочка сделала глоток.

Капельки пота выступили на смуглом лбу. Белогурочка спросила:

– Я твоя женщина, да? Ты добрый ко мне.

– У нас такой обычай.

Белогурочка смотрела, как Андрей пьет, и улыбалась.

Он бы сейчас улегся на землю, но помнил о скорпионах. Хоть они и не кусаются, но какой скорпион вытерпит, если на него лечь?

Андрей присел у колодца. Он постучал костяшкой пальца по каменному кольцу. Керамика. Как это сделано? Кто это сделал?

– Ты отдохнул? – спросила Белогурочка. – Мы поедем дальше?

Мысль о том, что надо вновь взбираться на коня, была ужасна. Андрей подумал: какое счастье, что здесь скорпионы, иначе бы меня не сдвинуть с места.

– Поехали, – сказал он.

– Уже немного осталось, – сказала Белогурочка. – Ты знаешь, я очень устала. Просто очень. Я даже удивляюсь, какой ты сильный.

И Андрею было приятно это признание. Белогурочка поехала впереди, не выпуская из руки копьё.

Холмы были уже близко, степь понижалась. Копыта коней мягко вдавливались в землю, трава стала ниже, но гуще, начались пышные кусты, и еще через несколько сот метров путники въехали в заросли гигантских папоротников. Папоротники смыкались над головами, стало сыро и душно. Снова захотелось пить. И спать. Андрей устал удивляться, он

держался за гриву коня и пытался не задремать.

Под копытами коня проминался и рвался мох – оттуда брызгала черная вода. Впереди, освобождая путь, отползали черные саламандры, схожие с метровыми пиявками. Папоротники скрыли небо, и стало полутемно. Пахло прелью, падалью, дурной стоячей водой.

– Сейчас снова будет дорога, – сказала Белогурочка. Но сначала было болото, настолько глубокое, что конь отказывался идти дальше. Белогурочка смело прыгнула в воду. Она повела коня вперед. Андрей последовал ее примеру. Вода была теплая, черная, воняло от нее мерзко, по голым ногам скользнуло что-то холодное. Вокруг, насколько глаз мог проникнуть между стволами папоротников, стояла такая же черная вода. И тут Андрей увидел диплодока. Он дремал в болоте, вытянувшись во весь рост, и сначала Андрей даже не понял, что это ящер. Сообразив, что это животное, Андрей даже остановился в изумлении перед расточительностью природы.

При виде людей динозавр лениво приподнял маленькую, изящную голову и укоризненно поглядел на тварей, посмевших нарушить его послеобеденный отдых.

Белогурочка обернулась и сказала:

– Не бойся. Он ест только траву. Он умный.

– Вы на них охотитесь? – спросил Андрей.

– Сюда наши не ходят. Это плохое место. Если не знаешь дорогу, то утонешь. И тут змеи, которые убивают.

Андрей все оглядывался, пока диплодок не скрылся из глаз.

– Много их здесь? – спросил он.

– Их совсем мало.

Они прошли еще, стало чуть глубже. Андрей боялся, что Белогурочка может провалиться в яму.

– Хе! – сказала Белогурочка. – Дорога! Я боялась, что промахнусь.

Андрей нащупал пяткой твердую поверхность. Повеселели кони, поверившие, что путешествие по болоту скоро кончится.

Дно поднималось полого, лишь метров через двести Белогурочка выбралась на сухое. Когда Андрей догнал ее, он увидел, что Белогурочка стоит на широкой бетонной дороге, такой же, как и та, что была в степи.

– Зачем старым людям дорога в болото? – спросил Андрей.

– Разве можно знать желания старых людей? – удивилась Белогурочка. Она обирала водоросли с коня. Потом подозвала Андрея и показала ему черную пиявку, повисшую на шкуре коня. Белогурочка ловко подцепила ее и отбросила. – Погляди, – сказала она, – на твоём коне тоже.

Андрей осмотрел своего коня. Тот стоял недвижно, словно понимал, что человек ему хочет помочь. Андрей отыскал десяток пиявок. Белогурочка подошла к нему и спросила:

– Все собрал?

– Вроде бы все.

– А вот и не все! – Она весело рассмеялась, наклонилась и сбила вздувшуюся пиявку с ноги Андрея.

– Если заснешь в мокром лесу, – сказала Белогурочка, – то не проснешься. Они всю кровь выпьют. Правда, смешно?

Белогурочка сорвала несколько толстых, сочных листьев, приложила к разрезу на бедре, протянула Андрею волокно лианы и приказала:

– Привяжи.

Андрей осторожно примотал лианой листья.

– У тебя руки, как у ребенка, – улыбнулась Белогурочка, – совсем мягкие. – Она провела ладонью по щеке Андрея. Ее ладонь была жесткой.

Дорога медленно поднималась в гору. Папоротники уступили место странным деревьям, которых Андрей не знал. Впрочем, понятно – аналоги с земными ящерами

угадывались легко, Андрею не раз приходилось видеть их реконструкции. Растения редко удостаиваются такой чести. Они не поражают воображения.

Дорога шла в туннеле листвы, духота не спадала. Впереди была чернота. Словно черный занавес. Белогурочка смело ехала туда.

17

Дорога вошла в ущелье. Ущелье было прорезано в отвесной стене, но сама стена скрывалась за листвой, и потому Андрей увидел только вход. Шириной ущелье было метров шесть, не более, и потому вертикальные стены как бы сходились наверху и между ними виднелась лишь узкая щель.

Ущелье подавляло мрачностью и каким-то адским совершенством. Словно громадный меч прорубил его. Плоское дно было усеяно обкатанными камешками.

Громадный меч... Далеко впереди дрожал вертикальный столб света. Значит, ущелье было идеально прямым – даже маленькая неточность, без которой не может обойтись природа, не дала бы возможности увидеть его дальний конец.

Андрей протянул руку и дотронулся до мокрой стены. Рука скользнула по базальту, словно он был отполирован. Лишь метров через пять пальцы встретили углубление – в этом месте на стене неслась водопадом струйка воды. Андрей остановил коня и, сложив ладоши лодочкой, напился.

– Откуда это ущелье? – спросил Андрей, и голос его прозвучал гулко, ускользя вверх.

– Старые люди сделали, – сказала Белогурочка.

Этого и следовало ожидать. Значит, она тоже думает, что ущелье сделано. А я вот не знаю, каким образом это можно сделать.

Сверху упала холодная капля, еще одна. Андрей поднял голову. Небо в щели потемнело – начался дождь. Капли били все чаще.

– Дождь пошел, – сообщила Белогурочка.

– Я слышу.

Ущелье повторяло их слова.

– Если там наверху сильный дождь, – крикнула Белогурочка, – вода пойдет сюда!

Андрей понял – ущелье поднималось вверх и служило дренажом для долины.

Дальше они скакали молча. Если можно сказать – скакали. Несмотря на понукания, усталые кони плелись еле-еле.

Дождь усилился, холодные капли секли по плечам. Навстречу тек тонкий ручей. Конь Белогурочки остановился, и Андрей еле успел удержать своего, чтобы не столкнуться. Только тут он разглядел, что дорогу преграждает туша какого-то зверя. Туша была полуобглодана. Черными тенями поднялись с нее и полетели прочь птеродактили.

Пришлось спешиваться и, прижимаясь к стене, протаскивать упрямявшихся коней через это препятствие. К тому времени, когда они оказались по ту сторону туши, вода уже поднялась высоко и бурлила, ударяясь о тушу. А белая щель была все еще далеко впереди.

Последние метры пути по ущелью они шли пешком и тащили за собой коней, которые в панике рвались назад.

– Бросай коня! – крикнула Белогурочка, перекрывая рев воды.

Андрей понял, что она права. Но ему было жалко коня. Они с ним весь день пробыли вместе, если его отпустить, глупая скотина помчится назад и погибнет.

Белогурочка отпустила своего коня, и он тут же скрылся в черноте ущелья. Андрей еще продолжал упрямо тянуть своего, но тут легкая Белогурочка не удержалась на ногах, и ее повлекло назад. Андрей кинулся к ней – о коне он забыл, подхватил, и они шли обнявшись, очень медленно, после каждого шага их сносило обратно. Из последних сил Андрей вцепился в край ущелья. Вода разжимала пальцы, стараясь вырвать Белогурочку...

18

Они стояли, прижавшись спинами к каменному обрыву. У ног кипела вода, стараясь найти вход в расщелину. Шел дождь, обильный, но мирный.

Там, в темноте, захлебываются кони, подумал Андрей. И ему было стыдно, что он не смог им помочь.

– Коней жалко, – сказала Белогурочка. – У нас в стае совсем коней не осталось.

Они шли вдоль отвесной скалы.

– Может, отдохнем? – сказал Андрей. Ноги не держали.

– Скоро, – сказала маленькая девушка. – Совсем скоро.

Ее шатало. Андрей пошел рядом, обняв ее за плечи.

Капли дождя попадали в глаза, и приходилось свободной рукой все время их вытирать. Вокруг был лес, обыкновенный лиственный лес, деревья скрывались за пеленой дождя. Меж больших камней, сорвавшихся со скал, росла мягкая трава.

Андрей старался считать шаги, но все время сбивался. И вдруг услышал:

– Вот и все. Мы пришли.

Белогурочка скинула с плеча его руку и раздвинула копьем кусты. За кустами было темно.

– Там сухо, – сказала она. – Братьев еще нет.

– Они должны ждать здесь? – спросил Андрей.

– Да. Они отстали. Или их убили, – сказала Белогурочка. – Но мы все равно подождем. Сейчас им не пройти сквозь щель.

– Йееп! – крикнула Белогурочка в темноту. Сделала шаг вперед. Остановилась, прислушиваясь, потом с силой метнула в пещеру копьё. Копье прозвенело о камни. Наступила тишина. – Никого нет, – сказала она. – Бывает, что сюда приходит зверь. Я не знаю, как по-вашему. Мы его зовем грих.

Белогурочка первой вошла в пещеру. Ее шаги прозвучали в глубине. Потом зашуршало.

– Тут есть сухая трава, – сказала она. – Иди сюда. Можно лечь, если я не лягу, я умру.

– Я тоже, – признался Андрей.

– Мужчины не умеют терпеть. Правда, ты лучше других.

У стены была охапка сена. Не очень пышная, но все же на ней мягче, чем на камне. Он вытянулся – тело было напряжено, оно не могло расслабиться. Ноги гудели и ныли. И Андрей понял, что не сможет заснуть.

Он видел серый круг входа и слышал стук капель по листьям.

Белогурочка устроилась рядом, ее легкая жесткая ладонь легла ему на грудь. Потом Белогурочка повернулась, устраиваясь поудобнее, и положила голову ему на плечо. Голова была мокрой, теплой и колючей.

– Йеех, – сказала она сонно, – вся еда с конями пропала.

И тут же начала дышать редко и легко – заснула. Андрею хотелось повернуться, но он боялся потревожить девушку. Во сне она забормотала, засучила ногами и теснее прижалась к Андрею. А ему казалось, что он никогда не заснет... и заснул.

Раза два– три Андрей просыпался от холода. Он теснее прижимался к горячей Белогурочке, но спине было еще холоднее, и тонкий слой сена не спасал от вечной стужи камня. Все же усталость оказалась сильнее холода, и Андрей снова проваливался в сон, и ему казалось, что он, раздетый, замерзающий, проваливается в бесконечную пустоту космоса, а впереди лишь маленькие холодные звездочки, до которых никогда не долететь... Потом он вернулся на планету Пэ-У, и рядом была ПетриА, хотя Андрей отлично знал, что она давно уже умерла и, наверное, поэтому не смогла спасти его от вечного холода...

столь заморочен вчерашними событиями, что он несколько секунд оставался в блаженной уверенности, что находится на Земле, – может, потому, что увидел, открыв глаза, зеленую мирную листву, пронизанную косыми солнечными лучами.

Было раннее утро, и солнце, вставшее напротив входа, пробило листву кустов и, еще не грея, высветило пещеру обещанием тепла.

Андрей протянул руку – Белогурочки рядом не было. Он приподнялся на локте – девушка сидела чуть поодаль, подтянув коленки к груди, обхватив их руками, глядела на Андрея. Белогурочка была обнажена, и он не сразу понял почему. Лишь когда сам сел, увидел, что она сняла с себя куртку и меховую юбку, чтобы накрыть Андрея.

– Глупости, – сказал Андрей вместо приветствия. – Зачем ты это сделала? Ты же простудишься.

– Мне не холодно, – сказала она. – Женщины терпеливые.

– Одевайся, – Андрей протянул ей одежду.

Белогурочка надела юбку. Она совершенно не стыдилась своей наготы, и потому наготы не было, как нет наготы у лани.

– Сколько тебе лет? – спросил Андрей.

– Не знаю, – сказала Белогурочка. – Вы, люди небесной стаи, всегда хотите знать, сколько минут, часов, дней, – зачем?

– Трудно объяснить. Мы привыкли.

– Там, если пойдешь вглубь, – сказала Белогурочка, – есть вода. Только иди осторожно, потому что потолок низкий.

– Братья не пришли?

– Зачем спрашивать? Если бы пришли, ты бы их увидел.

Андрей поднялся, выглянул наружу. Ближе к пещере подходил светлый лиственный лес. Белка скользнула по стволу липы, поглядела на Андрея и скрылась за стволом. Закуковала кукушка, будто ее нарочно привезли за тридевять парсеков, чтобы утешить Андрея.

Андрей вернулся в пещеру и пошел вглубь. Потолок стал ниже. Свет сюда уже не проникал. Андрей двигался медленно, касаясь стены и часто поднимая руку, чтобы проверить, где потолок. С каждым шагом тишина становилась глубже, непроницаемей. Исчезли звуки леса. Вместо них появилось нежное журчание воды. Ручей выбивался из-под стены.

Андрей умылся, привел себя в порядок. Вода была очень холодной, даже зубы заломило. Андрей провел ладонью по голове и отдернул руку – забыл, что он острижен по здешним меркам. Каково будет появиться в Центре в таком виде? Впрочем, в Галактике столько модных обычаев, что вряд ли кто удивится.

Когда Андрей возвратился ко входу в пещеру, Белогурочки не было. Он вышел из пещеры. Жутко болели ноги, и ломило спину. Веселый лес оглушил гомоном и деловитой суетой. Андрей поднял лицо к солнцу – лучи мягко и нежно грели лоб и щеки. Он блаженно зажмурился и понял, как зверски голоден.

Он хотел позвать Белогурочку, но поостерегся: он здесь чужой, и неизвестно, где можно кричать, а где следует таиться.

Сейчас бы посмотреться в зеркало – набедренная повязка, перетянутая широким ремнем, снятым с поверженного врага, ножи за поясом – вот и вся одежда. Хорош ты, капитан Андрей Брюс!

Листва раздалась, и появилась Белогурочка. И вдруг Андрей увидел ее такой, какой не видел раньше. Солнце светило ей в спину, окутывая ореолом смешной бобрик волос на голове и рисуя золотом контур стройного и гибкого силуэта девичьей фигуры. Она была феей этого веселого леса.

Белогурочка несла в ладонях горсть диких груш и яблок.

– Больше ничего не нашла, – сказала она. – Но лучше, когда в животе что-то лежит, правда? Ты чего так на меня смотришь? Я не убегу. Я твоя женщина. – И она весело

рассмеялась.

Они сели на камни у входа в пещеру. Яблоки оказались кислыми, груши Андрею понравились. Они были твердыми, вязали рот, но в них ощущалась свежая сладость.

– Хорошо, что мы с тобой убежали летом, – сказала Белогурочка. – Весной плохо с едой. А зимой...

Белогурочка стянула меховую безрукавку, расстелила ее на камне и легла, нежась на солнце. Андрей любовался ею.

– А почему мы пошли сюда? – спросил он.

– А где еще тебя спрятать? – удивилась Белогурочка. Она всегда удивлялась недогадливости Андрея – брови уходили вверх, лицо принимало страдальческое выражение.

– Может, в твоей стае?

– Октин Хаш сразу послал людей к моей стае, – сказала она.

– Я думал, что твоя стая скрылась.

– В степи не скроешься. Люди Октина Хаши знают, где искать. Если тебя нет и меня нет, они уйдут, а если ты там, они всех убьют. Это же ясно.

– А почему они вас не тронут, если меня нет?

– Они тронут, – Белогурочка говорила спокойно, как о само собой разумеющемся. – Они будут бить. Потому что сначала не поверят. Но потом поверят. И уйдут. Зачем просто так убивать? Стая Железной птицы побеждена, нас никто не защитит. Октин Хаш знает. Теперь мы будем платить ему шкурами и рабами. У нас не осталось воинов... Почему мои братья не пришли?

– Они знают дорогу сюда?

– Конечно. Только наша стая знает эту пещеру.

Большая стрекоза с оранжевыми прозрачными крыльями уселась на маленькую грудь Белогурочки. Той стало щекотно, и она смахнула стрекозу. Стрекоза лениво перелетела к Андрею.

– Она тебе понесла привет от моего сердца, – сказала Белогурочка. – Хороший привет?

– Хороший. Спасибо.

– Я боюсь, – сказала Белогурочка. – Тут совсем близко святилище ведьм.

– Где святилище ведьм?

– Там, – Белогурочка махнула рукой, показывая в сторону леса.

– Далеко?

– Не очень. Если придут мои братья, они принесут мяса. Здесь нельзя охотиться.

– Почему?

– Нельзя, – сказала Белогурочка раздраженно. – Если моих братьев убили, то я пойду на охоту за большую щель, в болото.

– А Октин Хаш со своими людьми идет в святилище той же дорогой, что мы?

– Ну как же ему пройти через болото со всеми повозками? – Белогурочка с трудом терпела вопиющую глупость Андрея. – Он идет хорошей дорогой. Он не прячется. Он главный в степи.

– Главнее, чем ведьмы?

– Ведьмы здесь, он – там. – Белогурочка села, потянулась. – Он им дает большие подарки.

– А они?

– Они тоже дают подарки. Я вспомнила. Тут должны быть ореховые кусты. Пойдем.

– Пойдем, – согласился Андрей. Безделье было невыносимо. – А когда Октин Хаш придет в святилище?

– Наверное, сегодня. Вот он запрыгает от злости, когда узнает, что тебя нет! Он думает, что ведьмы тебя уже подготовили, а тебя нет!

– Ты думаешь, он до сих пор не знает?

– Знает, – вздохнула Белогурочка. – Конечно, знает. Но веселее думать, что он еще не знает и будет злиться...

Белогурочка вскочила на ноги, подобрала с земли копье, проверила, легко ли выходит из ножен кинжал. И сразу подобралась, ступая по-звериному, пошла в чащу, настороженная и жестокая охотница – часть этого леса.

В сущности, все случилось из-за меня, думал Андрей. Из-за нас. Спасая меня, она поставила под угрозу жизнь своей стаи. Легко объяснить это, предложив ей нашу мораль и нашу логику поведения. По этой логике – мы с Жаном свои, друзья, которых надо спасать. Благородно жертвуя жизнью. Но сама Белогурочка на такой версии не настаивает, говорит, что я ее мужчина. Что стоит за этим? Неожиданная безумная любовь? Непохоже. Обряд? Меня избрали женихом дочери вождя, не спросив согласия? Или порыв – неожиданное решение дикарей, разум которых действует по иным законам? Понимая, что нельзя судить Белогурочку по земным меркам, Андрей все же старался найти всему рациональное объяснение.

Случись это в иной обстановке, ситуация была бы забавной. И разумеется, Андрей постарался бы тактично и мягко объяснить этой первобытной девице, что он не готов стать ее мужчиной и скакать за ней по степям, гоняясь за мастодонтами или сражаясь с коварными воинами из чужой стаи. А что делать теперь? Если тебя спасли из плена и, может, от смерти? Если ты уже вторые сутки скрываешься в степи и в лесу, сражаясь с воинами Октина Хаша? И если, наконец, ты уже привык к этому существу, абсолютно непонятному и, как ни странно, единственному родному на этой планете.

Орешник начинался недалеко от пещеры. Кусты зашуршали, расступаясь, – темное крупное животное поспешило уступить место людям.

– Кто это? – насторожился Андрей.

– Это... забыла слово... мохнатый, любит орехи, а зимой спит.

– Медведь?

– Медведь. Он сытый, ты не бойся.

Белогурочка быстро рвала орехи и ловко раскусывала.

– Ты щелкунчик, – сказал Андрей.

– Я не знаю такого.

– Это маленький колдун, который щелкает орехи.

– Не называй меня колдуном, – сказала Белогурочка строго. – Так нельзя.

– Слушаюсь, – сказал Андрей.

Орехи были еще мягкие, сочные. Когда он в последний раз ел лесные орехи? Тысячу лет назад? Да и не в лесу – они были запакованы в прозрачный пакетик...

Андрей потянул к себе ветвь орешника, набрал целую горсть. А где Белогурочка? Она отошла за куст. И тут Андрей услышал плач. Кто мог плакать? Белогурочка – никогда. Она не знает, что такое слезы. Уж в этом Андрей был совершенно убежден.

Плакала Белогурочка. Она сидела на корточках, отбросив копье и закрыв ладонями глаза. Плечи тряслись от горя.

– Ты что? – Андрей наклонился к ней. – Что случилось?

Белогурочка дернула плечом, чтобы сбросить ладонь Андрея. Андрей огляделся. Лес был тих и спокоен. Что же могло расстроить Белогурочку?

И тут он увидел: поломаны ветви лещины, примята трава, но в одном месте на ней бурое пятно – кровь.

– Скажи, что случилось?

Белогурочка подняла голову.

– Это все ты, ты! – сказала она зло. – Зачем ты к нам прилетел?

– Что-нибудь случилось с твоими братьями?

– Я хочу тебя убить! И моего отца с его глупыми старухами! – Она глядела на Андрея снизу вверх, прижав кулачки к горлу, словно ей трудно было говорить. – Ах, найди этого вождя с неба! Он такой сильный! Его друзья прилетят за ним! Они дадут подарки нашей стае, если ты спасешь его от Октина Хаша! Кому теперь твои друзья дадут вещи и кинжалы? Моих братьев нет, нет! Уйди!

Андрей отступил на несколько шагов под напором этого гнева.

Белогурочка вскочила. Руки взметнулись над головой. И бессильно упали. Она не смотрела на Андрея. А он вдруг понял, что ему горько, потому что его обманули. Все так просто – слабой стае нужно покровительство сильной стаи. И если для этого надо пожертвовать девушкой и последними воинами – пожалуйста, мудрый дикарь пойдет на такие жертвы. Он верит в силу друзей Андрея. И этот звереныш с гребешком на макушке тоже хитрил... А впрочем, какое тебе дело, капитан Брюс? Тебя спасли, ради тебя рисковали жизнью. На что ты в обиде?

– Почему, ты решила, что твои братья погибли? – спросил Андрей, стараясь говорить спокойно, словно не было гневных слов Белогурочки.

– Вот, – она обвела рукой поляну, полагая, что следы на ней говорят Андрею не меньше, чем ей.

– Я плохо читаю следы, – сказал Андрей. – Скажи, что увидела.

– Пришел один брат, – покорно сказала Белогурочка. – Другие уже не пришли. Их убили в степи.

– Брат пришел сюда...

– Он пришел сюда ночью, когда мы спали. За ним гнались. Он знал. Видишь? – Белогурочка показала в прогалину между кустами. Андрей ничего не увидел, но поверил. – Он не хотел вести их к пещере. Он побежал в другую сторону. А они его догнали. И потом убили.

– Почему ты думаешь, что убили?

– Кровь.

– Понятно, – сказал Андрей. – Скажи мне тогда... – Он старался смотреть на Белогурочку глазами чужого человека, отрешиться от того образа, который стал привычен за вчерашний день. Невысокая, по плечо ему, худая и довольно грязная степнячка со злыми прищуренными глазами, некрасивая, замученная, истощенная... и тут он оборвал себя. Белогурочка истощена и замучена, потому что вторые сутки тянет его на себе. А это выше ее сил. То, что она делает это не ради его прекрасных глаз, а ради своего племени, отца и женщин, которых завтра может убить Октин Хаш, не умаляет ее отваги и самоотверженности. – Скажи мне, – повторил Андрей. – Когда в степи убивают, что делают с телом? С мертвым человеком?

– Как что? Убили, и пускай лежит.

– Тогда скажи: где твой брат? Где он лежит?

Белогурочка оглянулась, словно надеялась увидеть тело. Она сделала несколько шагов в одну сторону, потом остановилась. Повернулась под прямым углом, пошла снова по следу. Андрею даже показалось, что у нее раздулись ноздри, как у собаки, которая ищет след. Она прошла шагов пятьдесят, и Андрей почти потерял ее из виду за кустами. Он стоял неподвижно. Белогурочка бежала обратно.

– Андрей! – сказала она торжествующе. – Они его тащили! Ты же видишь! – Она показала на следы. – Они его тащили, а он не хотел идти. Ты умный. Я глупая.

Она подбежала к нему и схватила за руку.

– Ты мой мужчина, – сказала она радостно. – Ты самый умный.

Андрей осторожно освободил руку:

– Что же теперь будем делать? Кто схватил твоего брата?

– Мы пойдем и узнаем, – сказала Белогурочка. – Ты сердишься?

– Пошли, – сказал Андрей.

Он предпочел бы сейчас пойти к святилищу ведьм, потому что там Жан. Но сначала надо вернуть долг. Всегда надо возвращать долги.

Белогурочка подобрала с травы копье.

Белогурочка читала следы. Андрей шел сзади, поглядывая по сторонам. Он чувствовал себя здесь старожилом – а может, лес был не столь чужд, как вчера. Белогурочка часто оборачивалась, в глазах была нерешительность, словно хотела сказать что-то, но не смела. Или Андрею это показалось.

Следы вывели их на открытое пространство. Они постояли несколько минут на краю леса, приглядываясь. Равнина полого поднималась, замкнутая голубыми горами. Антилопа, похожая на окапи, паслась невдалеке, она взглянула на них, потом не спеша потрусила прочь.

– Она не боится, – сказала Белогурочка, – значит, никого нет.

Андрей согласился с ней.

Белогурочка показала на пятно примятой травы.

– Здесь они отдыхали, – сказала она. – Три воина. И брат. Там он сидел. А один воин хромой, видишь?

– Нет.

– Где у тебя глаза! – проворчала Белогурочка прежним голосом. Отвернулась. Потом сказала сама себе: – Так нельзя говорить с чужим.

Андрей понял, но ничего не ответил. Это были ее проблемы, и Андрея они не касались.

– Куда они повели его? – спросил Андрей.

– К святылищу.

– Почему?

– Если перейти это поле, будут скалы. Ты видишь их?

– Вижу.

– А потом святылище внизу, отсюда не видно.

– И туда приедет Октин Хаш?

– Он уже там.

– Они повели твоего брата к Октину Хашу?

– Или к ведьмам.

– У ведьм есть свои воины?

– Им не нужно. Их все боятся.

– Почему они не убили брата?

– Я думаю – они ищут нас, они думают – мой брат отправился к нам. Они будут его спрашивать. Идем?

Они быстро шли через поле. Дул свежий ветер. За серыми скалами, что виднелись впереди, поднималась стена голубых гор.

Белогурочка обогнала Андрея, она шагала быстро, порой сбиваясь на трусцу. Андрей тоже чувствовал себя беззащитным на этом поле. Если их ищут, то могут следить. Правда, справа мирно паслось стадо небольших слонов с короткими хоботами и длинными, прямыми бивнями.

Белогурочка сорвалась на бег – не выдержала. Андрей помчался за ней. Бежать было больно – ноги и без того болели, а острые камни ранили ступни.

У скал, которые поднимались словно редкий лес на краю долины, камни были застелены разноцветным лишайником. Пестрая змея скользнула в сторону.

Белогурочка добежала до скалы, прижалась к ней, раскинув руки. Запыхалась. Потом обернулась, глядя, как подходит Андрей.

– Я бегу, – сказала она, – а они смотрят.

– Кто смотрит?

– Не знаю. Старые люди. Их нет, а они смотрят.

– Мне тоже так казалось, – сказал Андрей.

– Тише, – прошептала Белогурочка.

Андрей услышал голоса. Несколько человек, переговариваясь, приближались к ним. Сзади была открытая долина – никуда не денешься. Спереди чужие люди. Андрей посмотрел вверх. Скала была слишком крутой, чтобы залезть на нее. А соседняя?

Андрей схватил Белогурочку за руку и потащил к той скале. На ней, метрах в пяти от земли, росло дерево, кривое, цепкое, упрямое. Андрей полез наверх, цепляясь за выступы в скале. Через два метра была небольшая площадка. Андрей остановился, протянул руку, чтобы помочь Белогурочке, но она уже была рядом. Она все поняла. Конец корня висел на расстоянии вытянутой руки. Андрей схватился за него и добрался до комля. Ствол был толст и узловат. Андрей обогнул его – между стволом и скалой была щель.

Они втиснулись в нее, стараясь дышать как можно тише. Андрей прижал к себе Белогурочку. Ее сердце билось часто и звонко. Белогурочка подняла глаза и посмотрела на Андрея в упор, как будто спрашивала. Андрей нахмурился: молчи. Белогурочка медленно закрыла глаза и положила голову на грудь Андрею. Андрей только сейчас заметил, какие у нее длинные ресницы.

Из– за скалы вышло несколько воинов. Они остановились, глядя на долину. Как мы успели, подумал Андрей. Минутой позже они бы застигли нас. Но и сейчас –стоит поднять голову...

Но воины не смотрели наверх. Они рассыпались цепочкой и пошли через долину к пещере.

Всерьез за нас взялись, подумал Андрей. Когда воины удалились шагов на сто, Андрей наклонился к Белогурочке и прошептал ей на ухо:

– погоди. Могут прийти другие.

– Я знаю, – сказала Белогурочка. – Они уже идут.

Так они и стояли довольно долго, потому что из-за скал показались еще две группы воинов. Они спешили за первыми.

– А где их кони? – спросил Андрей.

– Там на конях не пройдешь, – сказала Белогурочка.

Вдруг Андрей заметил, что в стволе дерева, в метре над его головой что-то блестит. Как будто в скалу врезан большой стеклянный глаз. Это могло быть натеком смолы, обкатанным кристаллом хрусталя, выросшего в породе.

– Подними голову, – прошептал Андрей. – Ты такое видела?

– Это глаз, – сказала Белогурочка. – Я видела. Это глаз старых людей. Мне говорил отец. Они есть в других местах.

– Дай-ка я до него доберусь, – сказал Андрей.

– Нет, нельзя! – прокричала шепотом Белогурочка. Она была смертельно испугана. – Нет!

– Почему?

– Нельзя. Кто это тронет, сразу умрет. Нельзя!

– Откуда ты знаешь?

– Это знают все, – сказала Белогурочка. – Я тебя прошу.

Андрей подчинился. Загадкой больше, загадкой меньше...

– Ты не устала?

– Но ведь ты меня держишь.

Белогурочка подняла тонкую руку и приложила ладонь к его щеке. Андрей чуть отвел голову в сторону – обида вдруг вернулась.

– Я тебя не обманывала, – прошептала Белогурочка. – Я никогда никого не обманываю. Я хотела, чтобы ты был мой мужчина.

– Не надо, – прошептал Андрей.

– А ты мне не веришь, – сказала Белогурочка.

– Чего мы ждем? Они же дойдут до пещеры и вернутся.

– Мне нравится так стоять.

Сказав это, Белогурочка скользнула вниз, держась за висящий корень дерева. Как обезьяна. Через две секунды она уже стояла внизу. Андрей спускался куда дальше.

Белогурочка вела его молча. Чтобы уйти подальше от тропы, по которой двигались воины Октина Хаша. Они прошли в сторону. Здесь было труднее – между скал высилась

каменная мешанина. Андрей разбил ступни в кровь. Белогурочка скакала по камням легко, чуть касаясь их.

Они оказались на плато, заросшем кактусами. Некоторые из них цвели пышными оранжевыми соцветиями, и оранжевые пятнистые бабочки лениво парили между ними.

Солнце начало поджаривать. Белогурочка замедлила шаги. Потом остановилась и присела на корточки.

Когда Андрей, ковыляя по камням, добрался до нее, он увидел, что цель рядом. Перед ними была обширная котловина, посреди которой лежало длинное голубое озеро. По ту сторону озера горы круто поднимались вверх. Справа горы расступались, открывая проход в котловину, через который вдоль ручья, вытекавшего из озера, вела широкая дорога. По дороге тянулись повозки.

Казалось, все становище Октина Хаша переехало сюда – сотни повозок толпились на ближнем берегу, дальше на склоне пасся табун лошадей, рабы устанавливали кибитки. В тростниках у самого берега бродил стегозавр.

– Святилище ведьм, – сказала Белогурочка.

– Где оно? – спросил Андрей.

– Гляди за озеро.

Дальний берег озера был пуст. Лишь посреди широкой поляны стояли три кибитки. Они были схожи с кибитками Октина Хаша, но превосходили их высотой и были темнее. Пологи кибиток были закрыты.

– А где ведьмы? – спросил Андрей.

– Они спят.

Андрей вглядывался в суету у озера. Если даже Жан и был там, узнать его на таком расстоянии невыносимо.

Брата Белогурочки они увидели потому, что сначала узнали Октина Хаша. Тот был верхом, в красной короне. Он гарцевал у загона, сделанного из высоких кольев. В загоне держали коз. Но не только коз. Там, на земле, сидел человек. Октин Хаш хлестнул по ограде нагайкой. Человек поднялся.

– Мой брат, – сказала Белогурочка. – Как хорошо, что он живой.

– А Жана ты нигде не видишь?

– Наверно, он в кибитке, – сказала Белогурочка. – Или его уже отвели к ведьмам.

Белогурочка задумалась, глядя вниз. Октин Хаш отъехал от загона. Ее брат снова сел на землю. Козы жались в другой стороне.

– Я пойду туда, – сказала Белогурочка.

– Тебя же узнают и схватят.

– Я не глупая, – сказала Белогурочка. – Там много рабынь. Никто не смотрит – рабыни общие. Рабыни из моей стаи тоже. Они видят меня и молчат. А я все узнаю и тебе расскажу. А ты жди.

Белогурочка протянула ему заткнутую пробкой тыкву. В ней булькала вода.

– Ты жди под деревом. А то будет очень жарко. У тебя и так все лицо обгорело.

И Белогурочка отбежала в сторону, где склон был не столь крутым. Там росли кусты, которые скроют ее, когда она будет спускаться.

Андрей понимал, что Белогурочка права. Ему идти с ней нелепо – сразу узнают. Но ждать – самое бессмысленное занятие на свете. Тем более ждать на жаре.

Андрей улегся на краю обрыва, обшаривая взглядом склон, который, постепенно становясь все более пологим, тянулся к кибиткам. По склону были разбросаны деревья и кусты.

Андрей пролежал несколько минут, тщетно отыскивая девушку. Наконец, уже отчаявшись, увидел, как что-то темное шевельнулось в кустах на середине склона. На

четвереньках Белогурочка перебежала через прогалину до следующих кустов. И снова затаилась. От крайней кибитки ее отделяла сотня шагов. Около кибитки, сбившись в кружок, сидели женщины. Высоко взмахивая руками, они толкли толстыми длинными пестами зерно в каменной ступе. Поодаль стоял воин. Андрей понял, что Белогурочка ждет, пока воин уйдет. Воин побрел прочь. Белогурочка спокойно вышла из-за дерева. На ее плече была вязанка хвороста. Когда Белогурочка проходила мимо кибитки, одна из женщин заметила ее, подняла голову, что-то спросила. Затем спокойно вернулась к своему делу. Белогурочка положила вязанку в огромную кучу хвороста между кибиток и смешалась с толпой. Еще минуту Андрей угадывал ее силуэт. Потом потерял.

Андрей огляделся в поисках ориентира. Отыскал метрах в ста корявое дерево с обломанной верхушкой.

Андрей решил пройти по краю котловины на ту ее сторону, где обрыв подходил ближе к озеру, чтобы получше разглядеть кибитки ведьм. Шел он осторожно, стараясь не маячить на открытых местах, – воины, что обшаривают заросли у пещеры, могут вернуться в любой момент. К тому же следовало опасаться зверей. В детстве Андрей читал роман, герои которого попадают в обширную полость у Северного полюса и, опускаясь в нее, проходят последовательно все эпохи в истории Земли. Роман написал знаменитый геолог, который хотел рассказать подросткам о палеонтологии. Правда, здесь все было иначе, чем в фантастической книге. Словно кто-то открыл ворота музея и выпустил на волю существ, разделенных миллионами лет. Стегозавр служил верховным животным для степного вождя, птеродактили реяли над мастодонтами, питекантропы охотились на ящеров. Законы эволюции были нарушены. Те, кому положено было вымереть много миллионов лет назад, этого не сделали и продолжали размножаться. Пожалуй, это была главная загадка планеты – от нее тянулись ниточки к остальным тайнам.

Задумавшись, Андрей чуть не налетел на носорога, который мирно дремал, склонив к земле тяжелую морду, украшенную четырьмя устрашающего размера рогами. Андрей осторожно отступил за камень, рассчитывая на то, что носороги плохо видят. Отступая, он напоролся на острый сучок. Доскакав на одной ноге до тенистого местечка под скалой, он, чертыхаясь, сел и понял, что путешествие придется прервать.

Вернувшись на прежнее место, Андрей отщепил от сухого, но толстого сука планку, обрезал ее, чтобы получить подошвы, потом примотал их лианами к ногам. Он был так поглощен этой работой, что не замечал, как бежит время.

Солнце поднялось высоко. Откуда-то прилетели слепни и назойливо крутились, норовя вцепиться в обожженные солнцем красные плечи Андрея. Сейчас бы сбежать к озеру и нырнуть в него... Андрей приторочил подошвы к ступням, попробовал пройти. Подошвы держались, но лианы врезались в икры ног.

Изменилось ли что-нибудь за последний час? Почти ничего. Брат Белогурочки все так же сидит в загоне, он скорчился, закрыл голову руками и кажется сверху темным комочком. Кибиток стало куда больше, им даже тесно на этом берегу озера. А народу между ними меньше – жарко, слепни кусаются. У ручья, что вытекает из озера, сидят в ряд женщины, стирают. Полог в кибитку Октина Хаша отвернут, возле входа лежат в тени несколько воинов. Перед кибиткой шест с лошадиным хвостом. Кибитки ведьм на дальнем берегу озера мертвы и тихи, как прежде. Белогурочке пора возвращаться. Но склон пуст.

Совсем рядом раздались голоса. Андрей догадался: возвращается партия, посланная на его поиски. Воины прошли левее и ниже – там была неглубокая промоина. Было слышно, как изредка они перебрасываются ленивыми словами. Стало тихо. Лишь жужжали слепни. Андрей переполз вслед за тенью. Он отпил два глотка из тыквы. Хорошо бы Белогурочка принесла еды. Надо же кормить своего мужчину.

Прошло уже часа три, как Белогурочка отправилась в становище. Что могло ее задержать?

Отмахиваясь от слепней, Андрей отчаянно боролся с желанием спуститься вниз. Даже под ложечкой сосало от желания действовать. Хотя ясно было: ни черта он внизу не сделает, хотя бы потому, что не знает, как поступить.

Тут его внимание привлекли события, разыгравшиеся у кибитки Октина Хаша.

Оттуда выскочили два воина, видно, те, что безуспешно искали Андрея. За ними вылетел сам Октин Хаш. Даже на таком расстоянии было ясно, что вождь взбешен. Он хлестал воинов нагайкой, пинал ногами.

За ним из кибитки выплыл толстый колдун. Из соседних кибиток вылезали зрители – вскоре площадка перед кибиткой вождя была окружена толпой любопытных.

Затем Октин Хаш принял решение. Незадачливые охотники отползли в сторону, а вождь взмахнул нагайкой, отдавая приказание. Колдун медленно побрел к озеру, держа в руке длинный белый предмет. За ним увязались детишки и собаки. Процессия дошла до берега озера и остановилась. Андрей догадался, что колдун несет рог. Он поднес его к губам. Звук до Андрея не долетел.

Гудел колдун довольно долго, больше минуты, прежде чем на том берегу раскрылся полог черной кибитки и на солнце вышла закутанная в длинное темное одеяние фигура. Фигура подняла руку, что удовлетворило колдуна, и он пошел обратно, размахивая рогом, как палкой.

Тем временем – Андрей, наблюдая за колдуном, упустил момент – из кибитки, что стояла рядом с кибиткой Октина Хаша, вывели Жана. Андрей узнал его сразу – Жан был на голову выше своих стражей. И шел он иначе, прямо, не раскачиваясь. Жан был пешеходом.

Андрей испытал облегчение – по крайней мере, Жан жив и здоров.

Октин Хаш мирно разговаривал с ним, пока не вернулся колдун.

Если Жана привели сразу, как только выяснилось, что Андрея не нашли, то, вернее всего, Жан должен заменить Андрея.

Внизу составила солидная процессия. Сам Октин Хаш верхом на коне возглавил ее. За ним вели Жана, затем толпой шли воины. Они остановились у козлиного загона, где к процессии присоединился брат Белогурочки. Затем эта процессия в сопровождении собак и зевак направилась в неспешное путешествие вокруг озера.

Пленники шли рядом, но поодаль друг от друга, и сзади полукольцом следовала толпа, не приближаясь к ним, словно опасаясь заразы.

Шествию надлежало пройти больше километра. Судя по цвету воды, озеро было глубже в той стороне, где жили ведьмы, а со стороны становища у берега рос тростник.

Куда запропастилась Белогурочка? В шествии ее не видно.

Прошло полчаса, а процессия еще не достигла кибиток ведьм. Солнце стояло над головой. Голод мучил страшно. Андрей срывал травинки и жевал их. Горькие выплевывал. Слепни все не отставали.

Презрев осторожность, Андрей поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Боль пронзила так, что он рухнул на камни. Надо привыкать, говорил он себе, все равно пойдешь вниз – не сидеть же здесь вечно.

Процессия остановилась, не дойдя метров ста до кибиток. Из кибитки вышли сразу три ведьмы. Они были в длинных черных балахонах, на головах капюшоны.

Даже издали Андрей понял, насколько страшны ведьмы для степняков, – толпа отшатнулась, когда они приблизились к пленникам. Лишь Октин Хаш и колдун остались на месте. Колдун помахивал рогом. Октин Хаш слез с коня и стоял, держа его на поводу.

Ведьмы шли медленно, словно плыли. Когда ведьмам осталось идти шагов десять, брат Белогурочки вдруг кинулся в сторону. Он бежал, странно закинув за спину связанные руки. Воины бросились за ним, рассыпаясь веером. У брата оставался лишь один путь – к воде.

Ведьмы стояли неподвижно, словно это их не касалось. Жан сделал какое-то неуверенное движение, будто бегство дикаря увлекло его, но остановился, понимая, что далеко не уйти.

Брат Белогурочки прыгнул в воду. Дно круто шло вниз, следующий шаг заставил его погрузиться по бедра. Еще один – и он по пояс в воде. Парень, видно, умел плавать: подняв столб брызг, он рванулся вперед, отчаянно работая ногами. Все остальные стояли неподвижно, будто ждали чего-то. Ни один человек не последовал за беглецом в озеро. Андрей понял, что у брата есть шанс убежать, – на той стороне, у кибиток Октина Хаша, не осталось мужчин – только несколько женщин стояли у воды, глядя на пловца. Озеро было нешироким – метров двести, и даже, если воины побегут вокруг, им не перехватить беглеца.

Вдруг рассуждения Андрея были прерваны. Рядом с пловцом вода бурно вскипела – из глубины озера поднялась темная тень. Андрей сверху мог угадать ее очертания: гигантская рыба стремилась к человеку. На обоих берегах люди замахали руками, закричали, то ли предупреждая парня, то ли ужасаясь тому, что должно произойти, и общий крик был так громок, что отзвуки его донеслись до Андрея – но не сразу. Прежде он увидел, как из воды на мгновение показалась острая голова акулы, зубы, как сабли, сверкнули в воздухе, и в то же мгновение акула ушла в воду, переворачиваясь на спину: сквозь взбаламученную воду Андрей увидел ее белое брюхо.

Беглец понял, что ему грозит опасность, и постарался плыть скорее... но уже в следующую секунду он пошел вглубь – словно его потянула могучая рука. Вот тогда до Андрея долетел крик людей. А еще через несколько секунд на успокаивающейся поверхности воды расплылось кровавое пятно. Дикари пали ниц. Только три ведьмы стояли неподвижно.

Потом они подошли к Жану и стали по бокам. И Жан побрел вместе с ними к черной кибитке. Третья ведьма замыкала шествие.

23

Когда Андрей, никем не замеченный, достиг дна котловины, сумерки внизу уже сгустились и возле кибиток загорелись костры. Сюда не долетал ветер, и воздух хранил влажное тепло.

Самодельные подошвы разлетелись на полпути, и дальше Андрей ковылял босиком. Обоняние Андрея обострилось от голода. В дыме костров он угадывал аромат жареного мяса, в голосах, что доносились все ближе и четче, была невнятность жующих людей. Ему казалось, что все в становище едят, жрут, насыщаются.

Первым обитателем становища, с которым Андрей встретился, была худая облезлая собака, которая отбежала подальше от кибиток, чтобы спокойно обгрызть кость. В Андрее она почуяла соперника и угрожающе зарычала, придавив кость лапой.

Андрей остановился – спорить с собакой он не хотел. Собака ждала, что он сделает дальше. Потом схватила кость и побежала прочь.

Еще наверху Андрей придумал такой план: он огибает озеро и добирается до кибиток, где живут ведьмы, – там Жан. Вряд ли ведьм много. Значит, шансы отыскать и даже выручить Жана вполне реальны. А как только они будут вдвоем с Жаном, тот станет переводчиком и проводником. Тогда можно будет отыскать Белогурочку.

План был разумен, но по мере того как Андрей спускался по крутому склону в котловину, воображение все ярче рисовало ему картины бедствий, угрожающих Белогурочке. Разум отступал перед опасениями. Пускай она тысячу раз доказала, что она ловчее, смелее и даже живучей, чем Андрей, – для него она оставалась девушкой.

Приблизившись к становищу, Андрей подошел к крайней кибитке и остановился перед ее тонкой кожаной стенкой, прислушиваясь к голосам изнутри. Голоса переплетались, гудели, поднимались и гасли – в кибитке было несколько человек. Голоса Белогурочки Андрей не слышал. Перед кибиткой горел большой костер. У костра сидело несколько мужчин, они передавали друг другу деревянную чашу с каким-то напитком и лениво переговаривались. Из кибитки вышла женщина, вынесла вторую чашу и осталась сидеть рядом с мужчинами. Один из них сказал, видимо, что-то смешное – они долго хохотали.

Сразу несколько комаров впились в шею и голые ноги Андрея. Пока ты идешь, они не трогают, но стоит остановиться – они слетаются со всех сторон.

Кто-то тронул Андрея за руку – он отскочил. Это был мальчишка лет пяти, совершенно голый. Ребенок тоже испугался. Сейчас поднимет вопль. Андрей быстро пошел в сторону, стараясь держаться в тени. Вслед неся отчаянный плач.

Андрей быстро миновал несколько кибиток, столкнулся с мужчиной, вышедшим за кибитку по нужде, тот выругался... Вокруг были кибитки, кибитки, кибитки, как в дурном сне, – и никакого выхода.

Андрей прошел рядом с костром и оказался на небольшой площадке, посреди которой стоял шест с лошадиным хвостом. Он понял, куда попал, – это была кибитка Октина Хаша. Перед ней сидел на корточках воин. Опершись о копье, он дремал.

Можно было пройти мимо, но Андрея одолело любопытство. Октин Хаш был главной опасностью. А к опасности всегда тянет.

Андрей обошел кибитку, чтобы не попасться на глаза часовому. Большие шкуры, которыми была покрыта кибитка, были положены с захлестом и кое-где скреплены острыми колышками. Андрей отыскал край шкуры и осторожно отогнул ее.

Андрей глядел в шатер вождя. Посреди него горел небольшой костер, и дым улетал в отверстие наверху. В дальнем конце было возвышение, покрытое шкурами, на котором сидело несколько человек. Возле него горели два факела, укрепленные на железных треножниках. Свет был неверным и тревожным. Потом он увидел Белогурочку. Среди прочих.

Сцена была мирной, домашней, и именно эта будничность потрясла Андрея. Он был готов к тому, что увидит Белогурочку связанной, что ее готовят убить, а она старается разорвать узы, он был готов ринуться к ней на помощь. Всего этого не требовалось.

Посреди кибитки стояла большая бадья с темной жидкостью. Время от времени кто-нибудь поднимался и, зачерпнув оттуда своей чашкой, возвращался на место и пил. Андрей увидел, как поднимается Белогурочка и тоже зачерпывает из бадьи. Он мог даже окликнуть ее, но удержался. Зачем?

Октин Хаш сказал что-то Белогурочке, та ответила. Тучный кастрат захихикал. Им было весело.

Черт возьми, а я сидел голодный и ждал ее! Я бы успел тысячу раз спуститься и помочь Жану, а я ей поверил. Почему я решил, что она должна жить по тем же законам, что и я? Между нами тысячи лет и миллиарды километров. Ей было выгодно спасать меня. Теперь выгоднее пировать с Октином Хашем.

Андрей почувствовал, что к нему кто-то подходит. Он отскочил от кибитки – и вовремя. Это часовой, проснувшись, пошел вокруг кибитки. Андрей ринулся прочь. Часовой закричал вслед.

Андрей зигзагами бежал между темных кибиток, потом скатился вниз по откосу и забился в высокие заросли тростника. Только тогда вспомнил, что в озере живет чудовище – пресноводная акула. Мелькнула мысль: разве на Земле водились гигантские пресноводные акулы? Когда вернусь, надо будет проверить.

Среди кибиток продолжалась суетня, но к берегу никто не выбежал. Видно, ночью степняки боялись подходить к озеру. Андрей утешал себя тем, что акула не выберется на мелководье. Вода была теплой, тростники шевелились, сквозь них виднелась дорожка луны.

Когда все в становище успокоилось, Андрей пошел дальше. Через полчаса он уже обогнул озеро и оказался на площадке святилища – пыльной и голой каменной плешу среди травяной долины. Луна висела низко над зубцами скал. Ноги онемели и уже не болели – Андрей провел ладонью от голени вниз, – щиколотки и ступни распухли и почти потеряли чувствительность. Так даже лучше.

Впереди тремя черными куполами поднимались кибитки ведьм – немые, настороженные и зловещие. На том берегу озера тускнеющими пятнышками алели костры, иногда доносился недалекий голос. Заплакал ребенок, залаяла собака...

Андрей подошел к средней кибитке, куда отвели Жана. Кибитка была плотно закрыта, и покров ее был скреплен куда надежнее, чем в становище. Если швы и были, то в темноте Андрей не смог их отыскать.

Он простоял минуты две, прижав ухо к обшивке, потом осторожно откинул полог. Темно. Черт возьми, хотя бы спичку...

– Жан! – шепотом позвал Андрей.

Никто не ответил. Чем дольше Андрей стоял, держа откинутый край полога, тем более он убеждался, что кибитка пуста. Ни вдоха, ни шороха, которым выдают себя даже глубоко спящие люди.

Андрей вошел в кибитку, опустил полог и замер, представив себе, как зажигается свет и припиливает его к стене. Но свет не зажегся. Андрей присел ни корточки и пощупал пол. Камень.

Андрей пошел вдоль стены, вода перед собой руками и волоча ноги. Ни одного предмета не встретилось ему. Обойдя кибитку, он затем пересек ее напрямик. В кибитке никто не жил. Она была лишь пустой оболочкой.

Надо было уходить, осмотреть другие кибитки, но Андрей был уже почти убежден, что они такие же фантомы, как и первая. И это открытие не давало ему уйти. Кибитка была для чего-то сделана. Она что-то скрывала.

И раз не могли ничего скрыть ее стены, следовало поглядеть, что под ней.

Следующие несколько минут Андрей ползал по полу, простукивая его костяшками пальцев. Тук-тук... звук другой. Внизу пустое пространство. Андрей так надеялся на это, что не поверил, когда услышал. Пустота простукивалась в круге диаметром около метра.

Андрей принялся водить кончиками пальцем по границе круга, отыскивая щель. Ведьмы живут под землей, но они выходят.

Если бы он, Андрей Брюс, хотел скрыть вход в свое подземелье, он бы сделал его так, чтобы не отличить от остального пола. Так сделали и ведьмы. Затем он бы придумал простое устройство, чтобы можно было люк открыть или закрыть. И замаскировал бы его так, чтобы простодушные степняки его не нашли.

Ключ где – то рядом с люком, чтобы при нужде можно было быстро уйти вниз.

Андрей начал водить рукой вокруг люка, ползая по расширяющимся кругам, пока не отыскал на полу небольшой плоский камень, округлый и почти незаметный. Андрей повозился с камнем минуты три, прежде чем тот послушно сдвинулся, обнаружив углубление. И как только Андрей нажал на это углубление, раздался шорох, плита поднялась вертикально, и снизу пробился слабый свет.

Андрей заглянул в люк – там была неглубокая шахта со скобами в стенке. Колодец был выдолблен в скальном массиве – умение вовремя исчезнуть весьма повышает авторитет волшебников.

Андрей наступил на скобу – спуск был прост. Скобы кончились. Андрей стоял в туннеле, слабо освещенном желтым светом факела, укрепленного в стене. Дуновение воздуха скользнуло по щеке. Андрей отшатнулся – черной маленькой тенью пролетела летучая мышь.

Никакого плана у Андрея не было. Он знал лишь одно – надо быть осторожным. И чем позже его заметят, тем больше шансов чего-нибудь достичь.

Он шел медленно, гладкий пол приятно охлаждал разбитые ступни. Впереди туннель пересекался другим.

И тут гулко застучали шаги. Андрей успел лишь прижаться спиной к стене.

Старуха прошла близко, она несла в руке какой-то металлический предмет – Андрей уловил лишь тусклый отблеск, не осознав формы. Из-под капюшона виднелся острый профиль – как у старой крысы. Нижняя часть лица была скошена и стремилась, как и лоб, к

кончику носа, чуть повисшего от старости. Шаги старухи раздавались часто и дробно – будто у нее четыре ноги. Даже хотелось приглядеться – нет ли хвоста? Черное одеяние волочилось по земле – наружу лишь белые пальцы рук и лицо.

Было что-то злое в деловитости ведьмы. Она прошла по коридору, перпендикулярному туннелю, где стоял Андрей. Когда ее шаги затихли, Андрей добежал до слияния туннелей и осторожно выглянул. Он успел увидеть, как старуха остановилась у гладкой стены и провела по ней рукой. В стене обнаружилась черная дыра, в которой ведьма и скрылась.

Андрей стоял за поворотом туннеля, поглядывал на неровный и тусклый огонь факела, на черную дыру в стене и мысленно уговаривал старуху: ну выходи же, спать пора, чего ты ночью разгуливаешь?

Гробовая тишина пещеры стала невыносимой, Андрей уже сделал было шаг вперед, но тут в проходе показалась старуха. Она провела ладонью по стене, отверстие затворилось.

Старуха просеменила мимо. Сейчас остановится и скажет: «Здесь человеческим духом пахнет...» Что за чепуха лезет в голову! Три дня назад Андрей и не подозревал, что его жизнь будет зависеть от ведьмы.

Шаги затихли. Андрей просчитал до ста. Будем надеяться, что ведьмы отправились спать.

Тишина. Лишь в сложном ритме падают с потолка капли. Андрей вышел в большой туннель. Он был естественным, стены неровны, кое-где свисали сталактиты.

Андрей долго водил по стене ладонью, прежде чем нащупал нужную выпуклость. Натужно загудев, плита пошла в сторону. Андрей ступил в густую бархатную черноту помещения, плита сзади поехала, закрывая проход. Приключения ему смертельно надоели... И тут загорелся тусклый свет. Андрей стоял в обширном зале. Кровля его была укреплена каменными столбами, вытесанными умело и ровно. Зал был музейным, правда, со следами некоторого небрежения зрителей – прямо перед Андреем с потолка натекала большая лужа, поодаль на полу валялись какие-то тряпки. Среди колонн угадывались шкафы и витрины.

Андрей прислушался. Только привычный стук капель.

Шкафы у стен были одинаковыми, сделанными из тусклого металла. В некоторых виднелись иллюминаторы. Андрей подошел к шкафу и заглянул внутрь – там было темно, можно было лишь предположить, что шкаф наполнен водой.

Центр зала заставлен витринами – они были столь многочисленны и стояли такими тесными рядами, что нетрудно заблудиться. Нет, это не музей, а запасник.

Протискиваясь между витринами, Андрей разглядывал экспонаты. Это были животные и растения, некоторые Андрей уже знал. В расположении предметов ощущалась определенная система – в отличие от поверхности планеты, где животные и растения разных геологических эпох были безнадежно перепутаны, в музейном зале они располагались в хронологической последовательности. В ближайших ко входу витринах лежали трилобиты, рыбы, водяные растения, громадные раковины и панцирные животные, примитивно громоздкие и неуклюжие, членистые бесконечные черви, морские звезды с размахом лучей в два метра... Лишь пройдя сто метров, Андрей попал в другую эпоху. Он увидел земноводных, кистеперых рыб, выползающих на сушу, примитивных ящеров. И чем дальше он шел, тем крупнее и разнообразнее становились ящеры. И наконец, он увидел витрину, в которой стоял зверек, покрытый шерстью. Андрей не мог разглядывать музей подробно – число витрин и их разнообразие были невероятны, а размеры увеличивались до гигантских – в витрине умещался диплодок, а далее – сорокаметровая акула. Андрей отдавал хозяевам музея должное – они умели хранить экспонаты в таком первозданном виде, что сберегли все до жилки на листке, до пушинки, до перышка. Звери казались живыми.

Менее всего Андрей ожидал найти в обиталище ведьм такой музей, и это раздражало, потому что не укладывалось в концепцию. Некто всесильный, кто мог пронзить горы мечом, послать сюда экспедицию с целью собрать образцы флоры и фауны. Затем что-то

приключилось – сбор экспонатов был прерван, они остались в подземном складе. А сами собиратели улетели. В покинутый музей пробрались ведьмы, которые сообразили, что музей как нельзя лучше подходит для их тайных мистерий. И обитают они здесь, как крысы в покинутом городе, не понимая смысла предметов, которые их окружают...

Размышляя, Андрей продолжал идти по залам. Им не было конца.

В четвертом зале Андрей увидел человекообразных. Сначала небольших сутулых обезьян, затем питекантропа. Витрины, где стояли эти существа, соседствовали с чучелами пещерного медведя, гигантского лося, саблезубого тигра.

Странно, думал Андрей, почему создатели музея решили расположить экспонаты по эволюционной лестнице? Их тоже смущала нелогичность этой планеты?

И тут Андрей увидел человека. Было мгновение – Андрею показалось, что человек жив и лишь поднялся в витрину, чтобы его испугать. Вернее всего, сработало убеждение, что в музее ставят чучела животных, но не чучела людей. Тем более это было не чучело, а самый настоящий первобытный человек, грудь и спина его густо поросли рыжей шерстью, длинные спутанные волосы, челюсть скошена и лоб покат – но это был человек, и он смотрел на Андрея остановившимися глазами. И лишь неподвижность взгляда, сначала испугавшая, заставляла поверить в то, что человек «заспиртован». У ног дикаря лежали кремневые скребки и костяные иглы.

Это сделали не люди, решил Андрей, переходя к следующей витрине, из которой на него в упор глядела девочка лет десяти. Возможно, их эволюция шла настолько иным путем, что они не ощущают разницы между заспиртованным человеком и заспиртованным ящером.

Людей в том зале оказалось немало – более сотни. Андрей медленно и с неохотой совершал путешествие между тесно составленными витринами – аквариумами для людей. Каждый из них был застигнут смертью в момент, когда ее не ожидал, – лица были спокойны.

Андрей, не в силах более идти по этой выставке, свернул налево, надеясь обогнуть витрины вдоль стены, но там он оказался у длинного стеклянного шкафа, поделенного на прозрачные секции, в которых рядами покоились сотни человеческих сердец, почек, мозгов...

Андрей пошел быстрее, стараясь не смотреть по сторонам, и, наконец, добрался до конца выставки – далее были лишь пустые, подготовленные для заполнения витрины.

Андрей вздохнул с облегчением и взглянул на последнюю витрину. На него смотрел Жан Жвирблис, худой, высокий, нескладный, обнаженный и глупо постриженный – поперек головы гребень черных волос. Глаза его были открыты – карие умные глаза смотрели сквозь Андрея, потому что никуда не смотрели...

Хозяева музея не улетали с этой планеты. Они продолжали пополнять его, то ли таясь глубоко в подземельях, то ли изображая из себя ведьм. Вот почему ведьмы требовали человеческих жертв – им нужны экспонаты.

И все путешествие потеряло смысл для Андрея. Несколько часов назад у него было на этой планете два друга – Жан и Белогурочка. Теперь не осталось ни одного.

25

Зачем– то Андрей старался разбить витрину и освободить Жана. Занятие оказалось бессмысленным: даже если бы Андрей витрину разбил, он ничем не смог бы помочь другу.

Смерть Жана была горем, положение его – в банке, напоказ – унижительным. Нагота Жана – нагота мало занимающегося спортом, очень цивилизованного человека – была нескромной.

Потом Андрей спохватился – нет ничего глупей, чем пустая трата времени. Кончится тем, что сам угодишь в банку. И он пошел прочь, не оглядываясь. Распухшие пятки глухо стучали по камню.

Он должен вырваться отсюда, уйти из этой проклятой котловины и вернуться к людям. Октин Хаш лишь жалкая марионетка в руках ведьм. Какие они, к черту, ведьмы! Это

замаскированные, спрятанные под темными тогами, холодные и расчетливые вивисекторы, умы далекие, пришлые здесь... Если бы найти ответы на все вопросы. Галактика стала бы проста и благодущна. Ты достигаешь понимания на одном уровне, ты бьешься за него только затем, чтобы за следующим поворотом увидеть человека, стоящего на голове. Почему вы стоите на голове? – спрашиваешь ты невинно. Ведь у тебя дома люди не стоят на голове. Этот же человек, не меняя позы, выпускает в тебя смертельный луч, потому что ты оскорбил его своим вопросом. Это лишь модель непонимания – практика его, главного врага человечества, настолько сложна, что ни один компьютер в Галактике не даст ответа на вопросы, которые нельзя сформулировать.

За музеем, в котором стояла витрина с Жаном, начинался длинный широкий коридор. Вместо стен в нем тянулись металлические шкафы пятиметровой высоты. Освещен коридор был паршиво – редкие пятна света горели в потолке. Андрей поймал себя на том, что бежит трусцой, устало и мелко. Дыхание его, сбитое, порывистое, слишком громко летит по коридору. Он заставил себя идти медленнее, потом остановился, прислушиваясь. И тогда услышал шаги. Неуверенные, осторожные. Андрей вжался в стену шкафа, готовый метнуться обратно.

Из коридора вышла человеческая фигура. Человек был гол, судя по прическе, он принадлежал к стае Октина Хаша.

Напасть первым?

Человек увидел Андрея и пошел быстрее. Тогда Андрей побежал назад. Бежать было трудно – распухшие ноги скользили по каменному полу. К тому же Андрей не мог заставить себя испугаться. Им овладела апатия, рухнувшая на него, когда он увидел то, что осталось от Жана. Андрей обернулся. Голый дикарь бежал за ним. Андрей свернул обратно в зал музея – там можно скрыться среди витрин. Впереди поднялась витрина с телом Жана...

– Андрей! – услышал он. – Андрей, это же вы, я вас узнал!

Слова относились к нему, и произнести их было некому, кроме человека, что преследовал его.

Андрей остановился.

– Андрей, вы меня не узнаете? Это я, Жан!

26

Андрея охватил ужас. Один Жан, мертвый, стоял совсем близко. Второй, живой и запыхавшийся, подбегал сзади.

– Да вы что! – закричал на него Андрей.

От злобного тона Андрея Жан остановился.

– Я не понимаю, – сказал он. – Что-нибудь еще произошло? Я что-то не так сделал?

– Вопрос не о том, что вы сделали, – сказал Андрей, не двигаясь с места. – Вопрос в том, что с вами сделали?

– Пока ничего, – сказал Жан.

– А это кто? – он показал на тело Жана в витрине.

Жан подошел ближе. Андрей сделал шаг назад.

– Ну и глупо я выгляжу, – сказал Жан. – У вас нет какой-нибудь тряпки прикрыть чресла? Очень неприлично, а понимаешь только со стороны. – Собственное раздвоение Жана не удивило.

– Да я не об этом! Это ваше тело?

– Это отличная голограмма, – сказал Жан. – Если бы я не знал, что я здесь, решил бы, что я – там.

– Понимаю. Но зачем им снимать с вас голограмму и выставлять здесь? Они же имеют вас во плоти.

– Я вам скажу, Андрей, это удивительное достижение. Когда они делали, я любовался. Вы думаете, это просто голограмма? Это кочан капусты – миллион голограмм по слоям

моего тела, – оно все закодировано там, до последней клетки. Это совершенный памятник мне. Завтра утром меня отдадут колдуну, и его воины кинут меня акуле. Вы видели, какая тут в озере живет акула?

– Видел.

– Я погибну, а у них останется точная моя копия.

– Пойдемте отсюда, – сказал Андрей. – Поговорим там, снаружи. Они могут в любой момент хватиться.

Уже прошел двойной шок – от встречи с мертвым Жаном и от перехода к Жану живому. Надо было действовать.

– Они не хватятся, – сказал Жан. – Они спят.

Все же они пошли прочь из музейного зала – соседство с копией Жана было неприятно обоим.

– Кто эти ведьмы?

– Не знаю, – сказал Жан.

– Вы с ними не говорили?

– Говорил. И немало. Но с невнятными результатами.

Они вновь вышли в коридор.

– Есть другой путь наверх? Или надо возвращаться через этот проклятый музей?

– Меня через музей не проводили.

– Вы так и не сказали, зачем они это делают?

– Андрей, вы задаете слишком много вопросов, – улыбнулся Жан. – Я сам многого не знаю. Делают они это... потому что так положено. Это ответ, который я сам получил. Им дают жертву, то есть пленника, лишь на время, на одну ночь. Считается, что они готовят ее к смерти. Но эта жертва – не их, она принадлежит стае. Они ее должны вернуть. Таков обычай.

– Это ничего не объясняет.

– Они меня привели в свою лабораторию.

– У ведьм лаборатория?

– Когда они меня туда привели, у меня как камень с души. Значит, я не у дикарей, которые не знают пощады. Значит, здесь есть цивилизованные существа. Я гляжу на эти грязные старческие рожи и говорю им: поймите, тут недоразумение. Я попал сюда по ошибке. Но они так и не поверили, что я не дикарь...

Жан замедлил шаги.

– Хотите посмотреть на лабораторию?

– Вы уверены, что они не спохватятся?

– Загляните.

Жан открыл дверь в стене. Он тоже понял, каким образом открываются здесь двери. Каменная плита утонула в полу.

– Осторожнее, не ушибите макушку. Здесь у них неполадки с энергией, – сказал Жан. – Я спрашивал, чем они питаются. Они поняли меня буквально – будто я спрашивал о бутербродах.

– И что же ответили? – с интересом спросил Андрей.

– Что им не надо питаться. Они выше этого. Они ведьмы.

– Логично, – сказал Андрей, ступая в большое сводчатое помещение, тесно уставленное приборами, назначения которых не угадаешь. – Они сами со всем этим управлялись?

– Вполне профессионально.

– Вы не сопротивлялись?

– Я на своем опыте понял, что ведьмы сильны, как медведи.

Андрей подошел к операционному столу, с него свисали пластиковые ремни. Он толкнул стол – тот поехал.

– Я сначала решил, что они меня разрежут. Очень испугался.

Они шли за столом, который катился в угол комнаты.

– Одна из ведьм уговаривала меня, что мне не будет больно, что мне не причинят

вреда.

– Ты можешь уловить акцент, когда они здесь говорят? – Андрей незаметно для себя перешел на «ты».

– Я способен к языкам. Я их чувствую. Это был их язык. Но говорил лишь рот. Лицо в этом не участвовало. Это ненормально.

– И дальше?

– Дальше они начали меня исследовать. Они не только сняли с меня голограмму, они брали образцы крови, кожи, волос – порой это было неприятно. Они были жутко деловиты.

– Между собой говорили?

– Нет. Но я, как успокоился, начал задавать вопросы. И они отвечали. Они сказали, что меня исследуют, чтобы оставить обо мне память. А самого меня отдадут акуле, так велит закон. Мне было бы понятнее, если бы они плясали вокруг меня, колдовали, шаманствовали. А они проводили физиологическое обследование. А потом я увидел, как в стеклянном цилиндре проявляется моя копия – сначала это был скелет, потом он стал обрастать сосудами, внутренностями. Зрелище интереснейшее. Когда появилась кожа, я думаю: кто это такой знакомый? А это я, собственной персоной.

– А как ты от них сбежал?

– Эти гуманисты заперли меня в пустой камере. Но я подсмотрел, как здесь открываются двери.

– Гуманисты?

– Разумеется. Они удобно устроились. Они никого не убивают. Они настоящие ученые, экспериментаторы, они собирают музей, никому не вредя. Они берут напрокат лишь тех, кому по законам степи положено погибнуть. Помнишь, как делала инквизиция? Преступник передается в руки светских властей...

– Я удивлялся, – сказал Андрей, – откуда у Октина Хаша столько железа?

Жан остановился у очередной двери.

– Ведьмы здесь. Я искал выход и наткнулся на них.

В небольшом помещении с несколькими погасшими экранами, над пультом, протянувшимся вдоль одной из стен, стояли неподвижно, темными привидениями, шесть ведьм. Шесть одинаковых черных фигур, закутанных в темные тоги. Они были одного роста, одного сложения, они стояли строго в ряд, как манекены. И это окончательно укрепило Андрея в его предположениях.

Жан остался у входа.

Лица ведьм были одинаковы. Глаза открыты и пусты. Андрей внимательно осмотрел первую из старух. Он приподнял холодную тяжелую руку.

– Осторожно, – испуганно шепнул Жан.

– Помолчи, Жан, – сказал Андрей. – Ты замечательно умеешь разбираться в языках, я умею собирать и разбирать часы.

– Часы?

– Чтобы посмотреть, где там сидит жучок. Если часы с обманом.

Говоря, Андрей отыскал тонкий шов на тоге ведьмы – черную «молнию». Тога распахнулась. Жан, должно быть, ожидал увидеть внутри старческое белое тело и собирался отвернуться. Но увидел панель. Пальцы Андрея работали быстро, но осторожно, он был похож на сапера, который обезвреживает мину, прислушиваясь, не начнет ли она отсчитывать секунды перед взрывом.

Щелкнуло. Панель откинулась. Андрей грубо рванул на себя какую-то планку. На пол, зазвенев тонко и жалко, посыпались микроскопические детальки.

– Вечного тебе покоя, бабушка, – сказал Андрей, переходя к следующей ведьме.

Когда они выбрались из черной кибитки, снаружи было светлее. Луна поднялась

высоко, ее свет полосой разрезал гладкое озеро и высвечивал камешки, которыми была усеяна площадка между черными кибитками – площадь жертвоприношений. Андрей подобрал несколько камешков, они были обкатаны и полупрозрачны, – если посмотреть сквозь камешек на луну, он загорался туманно и загадочно.

Становище на том берегу спало. Лишь в одном месте алым пятном догорал костер. Под лунной кибитки казались горстками земли, выкинутыми кротом на зеленую лужайку. Было так тихо, что, когда далеко на склоне заржала лошадь, показалось, что звук родился рядом.

– Здесь нет цикад, – сказал Андрей тихо.

– Красота какая, – сказал Жан. – Я и не предполагал, что буду снова любоваться звездами.

– К счастью, память избирательна.

– Ингрид очень любила ночь. Больше, чем день. Странно?

Андрей не ответил. Он смотрел на вторую черную кибитку. Потом сказал:

– Я загляну туда. Время еще есть.

– Вот этого мы и не знаем, – сказал Жан. Но пошел вслед за Андреем.

Андрей включил факел, который снял со стены в подземелье ведьм. Светильник был ловко сделан под факел – хозяева ведьм не хотели, чтобы попавший внутрь дикарь почуял неладное. На конце факела вспыхнуло пламя – неровное, мнящееся и похожее на настоящее.

Андрей откинул полог. Пересекая кибитку, тянулся невысокий длинный стол. На нем были разбросаны белые кости. Андрей подошел поближе.

– Осторожнее! – предупредил Жан.

Андрей чуть не наступил на череп. Человеческий череп. Кости на столе тоже были человеческими. В глубоком кресле сидел скелет. Остатки блестящей гладкой одежды свисали странной бахромой. Андрей понял, почему скелет не рассыпался и не упал с кресла – он был пришпилен к спинке тремя короткими копьями.

Неровное пламя факела заставляло скелет в кресле дергаться. Андрей обошел стол. На полу лежал еще один скелет, на кисти руки, перехваченной металлическим браслетом, поблескивал какой-то прибор. Одежда была разодрана в клочья. Андрей понял, что до трупов добрались грызуны или муравьи. Череп человека, лежавшего на полу, был раскрыт топором.

Андрей прошел за стол и опустился на корточки, шаря рукой по полу. По аналогии с кибиткой ведьм здесь должен быть ход вниз.

– Кто они? – спросил Жан из темноты. Он не отходил от входа.

– Хозяева ведьм, – сказал Андрей.

– Кто их убил?

– Ты задаешь вопросы, на которые знаешь ответы.

– Степняки, – сказал Жан, – трепещут перед ведьмами. Они никогда бы не подняли на них руку.

– Удивительное убеждение, – Андрей нашел, наконец, нужный камень, и плита в полу сдвинулась. – Конрад верил в нечто подобное до последней секунды жизни. Степняки еще слишком первобытны, чтобы трепетать. Как только среди них родился сообразительный вождь, он смог сделать выводы. Выгодные для себя. Представь себе такую картину...

Голос Андрея стал звучать глуше. Жан увидел, как пламя факела спускалось к полу, освещая круг шахты, и затем скрылось в ней.

– Ты куда?

– Надо же поглядеть, что внутри.

– Слушай, Андрей, сюда прилетит экспедиция, они не спеша все обследуют. Здесь... неприятно.

Жан все же отошел от входа и остановился над шахтой.

– Ну вот, я так и думал, – сказал Андрей. Факел осветил скелет, лежавший на ее дне. Скелет был одет в зеленый свободный костюм – в подземелье не добрались хищники. – Он успел закрыть люк, и Октин Хаш остался ни с чем.

– Ты уверен, что это дела Октина Хаша?

– Да, – ответил Андрей. – На сто процентов.

Он говорил, закинув голову, и пламя факела искажало его черты.

– Все это был эксперимент. Когда наши прилетят, они обследуют подземелье и подтвердят. Это был великолепный, грандиозный эксперимент. Даже нам такой не по плечу. Они взяли планету, на которой жизнь делала лишь первые шаги. И начали гнать эволюцию скоростными темпами. Они создали для эволюции оптимальные условия, они подгоняли генетику, они втискивали миллионы лет в годы.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что это – единственное объяснение тому, что рядом здесь живут динозавры и питекантропы. Я никак не мог сообразить, почему не вымерли динозавры? Почему птицы не вытеснили птеродактилей? А ответ оказался относительно прост: они не успели вымереть. Эволюция здесь шла под контролем генетиков и генных инженеров.

– Но все равно это должно занять много лет.

– Тысячи лет, несколько тысяч.

– Но зачем, зачем? Кому это нужно?

– Я тебе назову множество экспериментов, которые ставила и ставит земная наука и которые могут показаться бессмысленными профану. Когда-то эксперименты генетиков с мухой дрозофилой осмеивались как пустые... А знаешь, чем занимался мой дед, уважаемый профессор? Он со своими учениками изготавливал орудия каменного века и рубил деревья каменными топорами, путешествовал в долбленых лодках и пахал землю деревянным плугом. Он хотел воссоздать технологию каменного века. Эксперименты, на которые идет наука, тем грандиознее, чем больше возможности ученых. Я могу поклясться, что, когда биологи и палеонтологи на Земле узнают об этом эксперименте, они взвоят от зависти. Воспроизвести эволюцию на целой планете – это же грандиозно!

– Но эксперимент затянулся на множество поколений...

– Этого мы не знаем, – сказал Андрей. Он опустил голову, глядя на скелет, лежавший у его ног. Свет факела вырвал из темноты остатки седых волос, обрамлявших череп. – Мы не знаем, сколько лет они жили. Может быть, они достигли бессмертия? Может, они жили по тысяче лет? Что мы знаем, брат Жан?

– Даже если это так, они потерпели поражение, – сказал Жан.

– Ты прав. Они могли разрубить горный хребет, чтобы осушить долину или соорудить болото для диплодоков. Они добились главного – создания разумного человека. Им пришлось приспособливаться к тому, что они сами создали. Они сделали ведьм, чтобы поторопить людей и воспользоваться их верой в высшие силы. Люди сами стали приводить к ним... – Андрей искал нужное слово.

– Экземпляры, – подсказал Жан.

– Они продолжали торопить эволюцию, полагая, что прогресс социальный можно ускорить так же, как генетический. Вместо того, чтобы ждать тысячелетия, прежде чем люди сами додумаются до того, как плавить металлы, они стали выдавать им металлы. Причем уже в готовой форме – в форме оружия. Эксперимент дал результат.

– Он был бесчеловечным.

– Боюсь, что эта категория была ими упущена.

– На чем бы они остановились?

– Не представляю. Но их остановил Октин Хаш. Он отлично понял, откуда приходят наконечники стрел и кинжалы. Для того чтобы стать властелином степи, ему нужно было больше железных ножей, чем он получал. Очевидно, они отказались удовлетворить его ненасытные стремления, и он решил взять эволюцию в свои руки.

– И застал их врасплох.

– Они слишком хорошо знали эту планету, они были уверены, что все здесь – создание их разума. Включая Октина Хаша...

– Чудовище Франкенштейна сожрало своего создателя?

– Хуже другое: Октин Хаш набрался опыта общения с пришельцами с неба. Он вкусил их крови. И это погубило наших с тобой товарищей. Опасно быть богом...

– Опасно полагать себя богом, – поправил Андрея Жан.

– Я пройду по этому коридору.

– Только недалеко, – сказал Жан.

У стен стояли бесконечные стеллажи. На них – контейнеры.

Андрей открыл наугад один из них.

Он был наполнен наконечниками для стрел. Железными, хорошо заточенными наконечниками. Они лежали аккуратными рядами, каждый в пластиковом пакете. Они были штампованы, но штамп тщательно имитировал неровность ручнойковки.

– Как ты думаешь? – донесся до него голос Жана. – Почему не прилетели новые? Почему остались только роботы?

– Я не знаю, – откликнулся Андрей.

Стеллажи, стеллажи... орудия, которые предназначались для степняков. И орудия, которые им еще предстояло получить. Ящик со стременами... контейнер со стальными мечами... пакеты с семенным зерном, железные гарпуны, стальные иглы... Коридор уходил далеко вперед, и для того чтобы понять, где рубеж опеки, надо было потратить еще немало времени.

На несколько секунд Андрей задержался у широкой арки, что вела в еле освещенный зал, где длинными рядами стояли агрегаты, накрытые одинаковыми серебряными кожухами. Контроль над планетой требовал невероятной изобретательности и сказочных ресурсов... Но все это не спасло богов.

– Эй! – донесся далекий крик Жана.

– Иду! – Андрей выбрался из шахты.

– Что там? – спросил Жан, глядя на железный меч, который Андрей захватил с собой.

– Склады. Склады бус и других подарков для дикарей. Для общего образования.

Андрей пошел к выходу.

– Грустно, – сказал Жан, аккуратно закрывая полог, словно боялся нарушить покой тех, кто там остался. – Какие усилия – и все впустую.

– Не совсем впустую. Все те люди существуют. – Андрей обернулся к спящему становищу.

– Кто такой Октин Хаш? Дикий мальчишка. Ему протянули конфетку, и он оттяпал руку дающую. Теперь ему придется надеяться лишь на себя.

Справа над горами небо начало светлеть. Прохладный ветерок зарябил темное озеро. В центре оно взбурлило, и волны разбежались, раскачивая тростник у дальнего берега. Акула проголодалась. Акула ждала жертвы.

– Не дождешься, – сказал ей Андрей, запахивая черную тогу, позаимствованную у выключенной ведьмы.

Жан не понял и спросил:

– Ты кому угрозишь?

– Не знаю, – сказал Андрей рассеянно.

– Лучше бежать туда, через горы, – сказал Жан.

– И куда же мы побежим?

– Сначала надо уйти как можно дальше, – сказал Жан. – Потом мы найдем способ связаться с нашими.

– И далеко мы уйдем с тобой по степи, пешком? В лучшем случае нас догонят через несколько часов, в худшем – нами позавтракает первый же тираннозавр.

– Так что же, сдаваться Октину Хашу?

– Это вариант, – серьезно сказал Андрей.

– Мы выберемся отсюда, потом зажжем большой костер, – сказал Жан. – И нас увидят сверху.

– При нескольких условиях, – возразил Андрей. – Во-первых, надо быть уверенными,

что наши все еще наблюдают за планетой. А большого смысла я в этом не вижу.

– Но ведь они должны нас отыскать!

– Судя по их информации – нас нет. Мы погибли на станции. Но даже если корабль все еще на орбите, как ты зажжешь костер? Трением? Или ты спрятал в ухе зажигалку?

– Это не означает, что мы должны сдаваться!

– Я тебя к этому не призываю. И если бы я любил сдаваться, то не стал бы тебя искать.

– Но ведь ты сюда добрался! Сам!

– Не сам. Я бы и часа не выжил в степи, если бы не Белогурочка.

– Белогурочка?

И когда это имя было произнесено рядом, другим человеком – вернулась и Белогурочка. Ее только что не было – она была изгнана из памяти. Белогурочка, которая спит, доверчиво спрятав голову у него на груди, Белогурочка с бешеными от злости глазами, несущаяся за воином Октина Хаша, Белогурочка, плачущая в лесу...

– Она меня выручила из плена, – сказал Андрей. – Иначе как бы я смог оказаться здесь?

– Правильно. Я думал все время: куда тебя спрятали? Ведь ты должен был оказаться в святилище раньше меня... Ее послал отец?

– Как-нибудь расскажу.

Они шли вдоль озера. Было видно, как просыпается становище. Раздался плач ребенка, откинулся полог одной из кибиток, и женщина спустилась к тростнику за водой. Громкий голос доносился от табуна, что пасся на склоне.

– Странно, – сказал Жан. – А почему она оказалась в становище?

– Ты ее видел?

– Да, еще вчера. Она была в становище, разве ты не знаешь?

– Знаю. Она хотела выручить своего брата, но опоздала.

Андрей не хотел говорить Жану, что видел Белогурочку в кибитке Октина Хаша. Как будто говорить об этом стыдно.

– Конечно, – сказал Жан. – Ее схватили раньше, чем она до него добралась. Октин Хаш знал, что она придет.

Андрей кивнул – разумеется, ведь воины искали их у пещеры.

– И он сделал просто, – Жан рассказывал обыкновенно, с сочувствием к Белогурочке, но не более. – Он загнал в кибитку, где сидел и я, рабынь из ее стаи. Он знал, что она будет их искать. А за кибиткой спрятал воинов. Так просто... Она только вошла – ее и схватили.

– Постой! – Андрей остановился. – Но я видел ее в кибитке Октина Хаша! Ночью. Она была свободна. Она с ним разговаривала.

– Она же дочь вождя, – сказал Жан.

И Андрей вдруг уловил в его голосе интонацию Белогурочки, как будто сейчас Жан скажет: «Какой ты глупый! Это же само собой разумеется!» Ничего для Андрея не разумелось.

– А что будет?

– Он возьмет ее себе в жены.

Андрей хотел возразить. Но не было правильных слов. И пока он их искал, на том берегу озера раздался тонкий крик. Андрей взглянул туда. В тростниках стояла женщина, которая показывала в их сторону и что-то кричала.

– Что случилось? – Андрей остановился.

– Она кричит, что видит ведьм, – сказал Жан.

– Ну конечно же!

Они оба были облачены в черные тоги, снятые с роботов. Андрей опустил на глаза капюшон.

– Может, попробуем подняться здесь? – Жан показал на крутой склон, который начинался за кибитками ведьм.

– Нет, – сказал Андрей. – Мы пойдем с тобой к Октину Хашу.

В кибитке Октина Хаша горел свет. Он пробивался теплыми в рассветной синеве лучами сквозь швы шкур, которыми она была покрыта. Часовой сладко спал, свернувшись калачиком у входа.

Андрей заглянул в щель. Внутри кибитки было два человека. Октин Хаш сидел на шкурах, скрестив ноги, держа в руке чашу и отхлебывая из нее. Толстый колдун развалился на полу вялой грудой жира, казалось, что он тает, растекается. Между ними на железном треножнике горел факел. Андрей боялся увидеть Октина Хаша с Белогурочкой. Вдвоем. Он не хотел в этом сознаться даже самому себе.

Белогурочки не было.

Андрей кивнул Жану, чтобы тот следовал за ним, и откинул полог уверенным движением хозяина. Октин Хаш рванул голову вверх – взгляд на звук шагов, на резкий шорох полога. Две ведьмы – в черных до полу тогах, капюшоны на глаза, высокие и худые – вышли на середину кибитки, как призраки мести.

Андрей был убежден, что Октин Хаш испугается. Он не может не испугаться. На этом и строился весь расчет.

Октин Хаш поднял голову. Тонкие губы были растянуты в улыбке. Толстый колдун хихикал, словно кашлял. Черные ведьмы остановились у входа.

– Мы недовольны тобой, Октин Хаш, – сказала одна из них.

Октин Хаш смотрел на босые, израненные ноги ведьм. Колдун задыхался от смеха.

– Ведьмы никогда не приходят сюда, – сказал Октин Хаш. – Мы ходим к ним. Но если кто-то надел на себя черную одежду ведьм, он будет нашим гостем.

– Что он говорит? – спросил Андрей.

– Он догадался, что мы не ведьмы.

– Мы смотрели, как вы шли вокруг озера, – сообщил Октин Хаш. – Вы убили ведьм? Мне не жалко. Ведьмы давно уже нам ничего не дают. Вы правильно сделали, что убили ведьм. Садитесь. Будем вместе пить и говорить.

Он засмеялся удовлетворенно – приятно быть умнее противника, а Октин Хаш опять был умнее пришельцев. Он заговорил.

Андрей откинул капюшон, Жан переводил:

– Когда поймали Белогурочку, он сразу понял, что ты близко. Ты настоящий вождь, а вождь не сидит в кустах. Он думал, что ты нападешь на него. Но ты пошел к ведьмам. И это правильно – что жизнь женщины, когда есть мужчина из своей стаи?

Андрей не знал, издевается Октин Хаш или говорит серьезно. Обвиняет ли его в предательстве или отдает должное мудрости.

– Мы смотрели, – слышал Андрей ровный голос Жана, – мы знали, что вождь небесной стаи пошел к ведьмам. Чтобы освободить Жана, который говорит на нашем языке. И мы ждали, вернешься ли ты или ведьмы тебя убьют.

– Ведьм больше нет, – сказал Андрей.

– Их слуги, старые люди, давали нам оружие, – сказал Октин Хаш. – Они давали нам много наконечников для стрел и копий, они давали нам ножи. – Октин Хаш загибал пальцы, как капиталист, перечисляющий свои заводы. – Они давали нам хорошие листы железа, они учили нас стрелять из лука. Но они давали мало. А нам надо было готовиться к большой войне. Мы пошли, чтобы взять все.

Октин Хаш обернулся к Андрею и замолчал, почесывая переносицу. Потом заговорил:

– Я могу позвать моих воинов, – сказал он, – вас принесут в жертву великой рыбе озера...

– Пускай он скажет, чего хочет, – перебил Жана Андрей.

– Йаххх, – заворковал Октин Хаш, довольный поворотом разговора. Он вскочил со шкур и принялся, наклонив голову, как петух, ходить вдоль стены. – Я не хотел никого убивать. Я не хотел убивать твоих людей. Но мне нужно оружие. Я наказал стаю старых

людей, я думал, что ведьмы дадут оружие, но они не давали. Я наказал твою стаю и взял железо. Но мне мало! Я отпущу вас, чтобы вы приносили мне железо. Много железа. Я дам вам место для охоты и буду защищать вас. Я не хотел тебя убивать и Жана не хотел убивать! Я бы не кинул вас рыбе! – Октин Хаш хихикнул. – Я бы попугал вас. А потом сказал бы: идите к себе и принесите много железа великому вождю Октину Хашу.

Колдун мелко кивал, подтверждая мудрость Октина Хаша.

– Скажи ему, – произнес Андрей, – что мы подумаем.

– Хватит с него оружия. Он же бандит, – сказал Жан.

– Мудрость твоя заставляет преклоняться перед тобой, – сказал Андрей. – Ты хочешь, чтобы акула тобой позавтракала? Я не хочу. У нас полная свобода выбора.

– Я понимаю, – сказал Жан. – Но все равно противно.

– Тогда переведи, что мы подумаем. Если он сделает нам дурное, он ничего не получит.

Октин Хаш не скрывал торжества.

– Ты мой друг, – сказал он Андрею. – Мы будем скакать рядом по степи.

– Он даст нам коней и Белогурочку, – сказал Андрей.

Октин Хаш удовлетворенно захлопал ладонями по бедрам.

– Он говорит, что сам будет приказывать нам, сколько дать железа. И мы дадим ему луки, которые стреляют огнем.

– Обещай ему атомную бомбу, – сказал Андрей. – А что он говорит о Белогурочке?

– Он говорит, чтобы ты сам ее искал. Она ему не нужна.

– Где она? – почти закричал Андрей.

– Катурадж, – развел руками Октин Хаш.

Андрей помнил это слово.

– Они ее убили?

Заговорил колдун. Жан выслушал его, и Андрей с ужасом ждал, что Жан сейчас скажет: ее убили. Он даже поднял руку, словно хотел заставить его замолчать.

– Белогурочки здесь нет, – сказал Жан. – Она убежала. Она дикая, как зверь. Она им не нужна. По-моему, они не врут.

Октин Хаш хлопнул в ладоши. Вошел часовой. Вождь отдал приказание.

Андрей чувствовал великую, бездонную пустоту.

– Он говорит, чтобы мы не спешили. У него есть суп. Он хочет накормить нас. Он знает, что мы голодные.

– Если хочешь, поешь, – вдруг ожил Андрей, – а мне надо сделать еще одно дело.

И он, не оборачиваясь, вышел из шатра.

– Ты думаешь, они не отравят суп? – спросил вслед Жан. – Жрать хочется смертельно.

– Не отравят. Ему нужно железо. Он очень горд собой. Победители не травят побежденных. Они просто пляшут на их костях.

Снаружи уже накатился рассвет. Он был голубой, туманный, зыбкий. Пахло дымом.

– Ты далеко? – Жан выглянул из кибитки.

– Когда поешь, жди меня с конями к востоку от становища.

– Где здесь восток?

– Восток везде там, где встает солнце, – сказал Андрей.

29

Андрей быстро прошел мимо крайних кибиток. Там начинался подъем на обрыв. Кусты были мокрыми от росы. Андрей как-то забыл за всеми событиями о странностях этой планеты, и когда на него спикировал небольшой птерозавр, он от неожиданности упал. Птерозавр клацнул пастью над самым ухом и сразу взмыл вверх.

С половины склона Андрей обернулся. Озеро затянулось туманом. Черные кибитки поднимались над ним, как затылки погрузившихся в воду купальщиков. Слышно было, как топочут в загоне лошади. Какого черта я не сказал Жану, чтобы он захватил для меня супа.

Полцарства за глоток горячего супа!

Андрей подобрал полы черной тоги и начал карабкаться по крутому склону. Затея его пуста, но отказаться от нее нельзя. Он вышел на плато в стороне от того места, где провел вчерашний день. Но сразу увидел дерево с обломанной вершиной. Белогурочка сидела под ним, сжавшись в комочек. Ей было холодно. Видно, она дремала и слышала приближение Андрея, когда он был уже в нескольких шагах. Она широко раскинула длинные смуглые руки и побежала к нему.

– Ты убил черную ведьму! – Голос ее звенел, дрожал от возбуждения и сладкого ужаса. – А я думала, что они тебя убили!

Она с разбегу прыгнула в открытые объятия Андрея, обхватила его руками и ногами, как обезьяна. Она была горячей и мокрой от росы.

Она повторяла, как во сне:

– Я все равно тебя ждала. Я убежала от них и ждала. Я бы тебя до конца ждала. Пока не умру. Ты веришь?

– Верю, Белогурочка, – отвечал Андрей. – Поэтому я и пришел сюда. Октин Хаш сказал, что ты убежала. И я сразу пошел сюда.

– Ты зачем говорил с Октином Хашем? Ему нельзя верить.

– Я знаю. Он нас не тронет. Он даже дал нам лошадей.

– Хээх! – воскликнула Белогурочка. – Ему нужно железо? Он убил старых людей, он убил твоих людей, он убил моих братьев – а железа не хватает. Я правильно говорю?

Белогурочка соскользнула на землю и стояла, тесно прижавшись к Андрею, как замерзший странник прижимается к печке. Голова ее была запрокинута, и в глазах отражалось голубое утреннее небо.

– Жан с лошадьми ждет нас у загона.

– Тогда пошли скорее, потому что Октин Хаш может передумать. Он решит: лучше пускай они сидят у меня, а я буду менять их на железо... Ты согласился давать им железо?

– Я согласился бы на что угодно, чтобы нам уйти отсюда.

– Правильно, – обрадовалась Белогурочка. – Ты будешь давать железо моей стае, и мы перебьем всех воинов Октина Хаши!

Они начали спускаться вниз по осыпи и по мокрой траве. Потом Белогурочка остановилась, велела Андрею подождать, стрелой взлетела обратно, вернулась с кожаной сумкой, оттуда достала кусок вяленого мяса.

– Я утатила у них, – сказала она. – Я думала, если Андрей живой, значит, он голодный.

– Светлая мысль, – согласился Андрей, вгрызаясь в жилистое мясо. Он никогда в жизни не ел такого вкусного мяса. Белогурочка спускалась рядом и радовалась тому, что оказалась предусмотрительной.

– Ты ешь, – повторяла она. – Тебе надо есть, ты большой мужчина. А я уже поела, пока тебя ждала. Я думала, если ты мертвый, то я потом доем, а если ты живой, то обязательно голодный. А как ты убил ведьму? Это очень страшно? Ты был у них в кибитке?

– Угу.

– А другие ведьмы? Они будут мстить?

– Нет, мы с Жаном всех ведьм убили.

– Мой мужчина – самый сильный в степи, – сообщила Белогурочка.

Туман рассеялся, и они издали увидели, что Жан ждет у загона, рядом с ним три лошади. Несколько пастухов стоят поодаль, робко поглядывая на черную тогу ведьмы, в которую облачен Жан.

Их никто не преследовал, лишь у выхода из котловины их догнал всадник от Октина Хаши и дал им копыя – Октин Хаш хотел, чтобы они добрались до цели невредимыми.

Они выбрались из котловины той дорогой, какой пришел Октин Хаш. Тропа была

широкой, пыль прибита росой. Жан все время оглядывался – ему казалось, что вот-вот сзади раздастся топот погони. Белогурочка переливалась ртутью, ей досталась бодрая кобылка – этот кентавр никак не мог успокоиться, он исчезал в высокой траве, чтобы вылететь оттуда с воинственным воплем. И вот уже Белогурочка несется на Андрея, рот раскрыт в крике, смуглая рука с копьём занесена для удара, глаза сверкают, так что больно смотреть.

– Спасайся! – кричит Белогурочка. – Я чудовище из глубин земли, я разрежу тебя в ключья своими зубищами!

Солнце грело доверчиво и мягко.

– Господи, – сказал Жан, когда Белогурочка снова умчалась вперед, – разве так бывает? Я должен сейчас скорбеть о моих товарищах, беспокоиться о том, удастся ли нам вернуться обратно к людям. А я просто счастлив.

– Хэ! Глядите! – крикнула Белогурочка.

На берегу небольшого озера, еще не высохшего от летней жары, в грязи, перемешанной копытами и лапами животных, приходящих сюда на водопой, неуклюже топтался десятиметровый трицератопс – бронированное сооружение, придуманное больным гением Босха. Треть громоздкого тела занимала голова, лобовой панцирь которого уходил веером назад, ложась на широкую спину, расширяясь и заканчиваясь метровыми костяными пальцами. Короткий хвост не доставал до земли – природа воплотила в ящере идеал обороны.

Вокруг чудовища вились, подпрыгивая, мешая друг другу, ящеры, похожие на страусов, – громадные задние лапы, длинный, вытянутый назад, напряженный от охотничьей страсти хвост, змеиные головы, усеянные рядами треугольных зубов, передние лапы – ручки – невелики, но увенчаны острыми ножами когтей. Подскакивая к трицератопсу, они высоко взлетали и вонзали в панцирные бока ящера полуметровые кинжалы когтей. Когти скользили по панцирю, трицератопс лениво поворачивал маленькую голову, всем своим видом давая понять: «Ну что еще за несчастье, я пришел напиться, никому не мешал, а эти злобные твари меня беспокоят».

Андрей поймал себя на том, что смотрит на это действо с заинтересованностью зрителя.

– Им его не одолеть, – сказал Жан, который тоже придержал коня. – Жадность их погубит.

– Зря они нападать не будут, – сказал Андрей. – Это не люди, чтобы тратить время впустую.

Белогурочка подскакала к ним.

– Сейчас он устанет, – сказала она. – И они его повалят. Это очень интересно. Я думала, что его больше нет, всех съели. Один великий воин сделал себе щит из его шеи. Два человека не могли поднять этот щит. Очень красиво.

Высокая трава скрыла озеро, и ветер унес шум сражения.

– Тебя не удивляет, как она свободно говорит? – спросил Жан.

– Я потрясен.

– Это мой метод, – сказал Жан. – Ну и конечно, ее способности.

– Я очень умная, – сказала Белогурочка. – Я дочь великого вождя и жена великого вождя.

– Кто же твой муж? – спросил Жан.

– Мой муж – Андрей, – сказала Белогурочка, подъезжая к Андрею и кладя руку на его колено.

– Это новость, – сказал Жан. – Почему же вы раньше мне не сказали?

– А как же тебе скажешь, – удивилась Белогурочка, – если ты сидишь в плену у ведьм?

– Это в самом деле так? – спросил Жан смущенно, словно о чем-то слишком уж деликатном.

– А я откуда знаю? – вдруг озлился Андрей. – Ты думаешь, меня на этой планете кто-нибудь о чем-нибудь спрашивает? Сначала меня объявили женихом и даже спасли из

плена, затем мне было сказано, что все это чистой воды дипломатия, а на самом деле превыше всего интересы стаи. Затем Белогурочка чуть не вышла замуж за Октина Хаша...

Белогурочка зло, с оттяжкой, хлестнула его кожаной нагайкой по плечу. Конь рванул в сторону. Андрей еле удержался на нем.

– Ты что? – крикнул он. – Что я сказал?

– Ты ничего не сказал. – Белогурочка ударила коня пятками в бока и поскакала вперед.

– Дикие нравы, – сказал Андрей, почесывая плечо, на котором вздулась полоса ожога.

– Не возбуждай в девушках тщетных надежд, господин кавалер, – сказал Жан. – Очередное столкновение цивилизации и дикости закончилось в пользу дикости.

– Я мечтаю о той светлой минуте, – искренне сказал Андрей, – когда ступлю на палубу самого обыкновенного космического корабля и забуду о дикарях и их покровителях.

– А я, пожалуй, останусь здесь, – сказал Жан. – Если станцию не закроют, я останусь. Удивительная ситуация, уникальная.

Трава стояла редкой, с проплешинами, под ногами бегали небольшие ящерицы вроде варанов, но очень кургузые. Они шустро увертывались из-под копыт.

Кони шарахались и ржали, Белогурочка ускакала далеко вперед, конь вынес ее на пологий холм, где она и остановилась.

По небу прошла белая полоса. Черная точка мелькнула и пронеслась в сторону святилища.

– Андрей! – закричал Жан. – Это наши!

– Все-таки они не улетели, – сказал Андрей.

31

Планетарный катер опустился рядом с ними примерно через час после того, как они увидели его в первый раз.

Штурман сказал Андрею, что Ингрид пришла в сознание ночью, и тогда капитан «Граната» узнал, что виновниками нападения на станцию были люди Октина Хаша. Поэтому катер сразу был отправлен к святилищу ведьм.

Они были готовы к поискам, к сложным переговорам с дикарями, но все оказалось просто. Октин Хаш сам вышел к опустившемуся катеру. Он вынес с собой часы Андрея – он был спокоен и не боялся мести людей. Он знаками показал, что Андрей и Жан уехали. Штурман связался с кораблем, и оттуда с помощью «глаза» прочесали степь. В тридцати километрах от становища обнаружили троих всадников...

Катер стоял на берегу реки. Река была еще широка, хотя приливная волна давно уже прошла по ней.

Андрей поговорил с капитаном и вкратце объяснил ему, что произошло за последние два дня. Разговаривая с кораблем, Андрей пил кофе и ел бутерброды, не замечая, что ест. А потом, когда связь кончилась, он спохватился, что Белогурочка голодная, а он совсем о ней забыл. Стало неловко. Вокруг Жана хлопотал врач – Жан с удовольствием отдался в его руки, он как-то сразу осел, обмяк, его знобило.

Андрей, держа в руке большой бутерброд с сыром, вылез из планетарного катера. Он сразу увидел Белогурочку. Она повела коней к реке поить. Кони стояли по колено в воде, а Белогурочка сидела на берегу и глядела перед собой.

Андрей подошел к ней. Белогурочка не обернулась.

– Поешь, – сказал Андрей. – Это вкусно.

Не оборачиваясь, Белогурочка подняла руку ладонью кверху. Андрей положил бутерброд на ладонь. Белогурочка принялась жевать. Потом положила бутерброд рядом с собой на траву. По реке, выставив змеиную голову на длинной шее, быстро проплыл плезиозавр.

– Не понравилось? – спросил Андрей. Он подумал, с каким удовольствием он сейчас примет на борту ванну. А затем в мягкую чистую постель – и спать целые сутки!

– Ты улетаешь? – спросила Белогурочка.
– Конечно, – сказал Андрей. – Меня ждут.
– А я остаюсь?
Андрей кивнул, хоть она и не могла увидеть этого ответа.
Стало жарко. Между лопатками Белогурочки блеснул пот.
– Тогда улетай, – сказала Белогурочка. – Зачем стоишь?
– Я думаю, – сказал Андрей.
– Брюс! – закричали от катера. – Мы поднимаемся?
– Давай, мы довезем тебя до твоего становища, – сказал Андрей слишком бодрым голосом. – Пускай они удивятся.
– Кто там удивится? – сказала Белогурочка. – Воинов нет, а про меня думают, что я уже убита.
– Тебе лучше лететь с нами, чем ехать одной по степи.
– А как же лошади? – спросила Белогурочка.
– При чем тут лошади? Они чужие.
– Я всегда говорила, что ты глупый! – Белогурочка вскочила и обернулась к Андрею. – Как я могу бросить в степи трех коней? Ты знаешь, что у нас в стае совсем не осталось коней? Ты знаешь, что конь дороже, чем ребенок или даже женщина? Ты ничего не знаешь, а ходишь по нашей степи и обещаешь.
– Что я обещал?
– Ты обещал нам оружие, много оружия, ты обещал нам лук, который стреляет огнем. Ты обещал нам железный дом, на который не сможет забраться Октин Хаш, ты обещал нам много железных воинов...
– Белогурочка, что ты несешь! Это же неправда.
– Это правда, потому что без этой правды Октин Хаш возьмет в рабство всю нашу стаю. И ты это знаешь. И хочешь отнять у нас последних коней! Ты ничего нам не даешь, а все хочешь отнять. Ты очень плохой человек, и лучше бы тебя съели ведьмы!

Андрей вздохнул, переживая вспышку гнева. Белогурочка замолчала. Она посмотрела на Андрея в упор, и глаза ее были злыми.
– И что ты будешь делать? – спросил Андрей.
– Я подожду, пока спадет вода, и поеду домой. Но с конями. Все будут рады, что есть кони.
– А когда спадет вода?
– Когда солнце будет вон там, – она показала довольно низко над горизонтом.
– Хорошо, – сказал Андрей.
Он вернулся к катеру. Штурман ждал его у люка.
– Ну что, попрощались? Это ваша проводница? Неплохо сложена, правда?
– Отлично сложена, – сказал Андрей, входя в катер. Он оглянулся. Белогурочка стояла на берегу и смотрела ему вслед.
Андрей включил микрофон и сказал капитану «Граната»:
– Слушай, Федор, я останусь здесь еще на пять часов. Вы заберете меня от нашей прежней станции.
– А что случилось?
– Я не хочу оставлять девушку, которая была с нами.
– Так пускай ее подбросят на катере.
– У нее три коня. Это большая ценность в степи. Надо подождать, пока спадет вода в реке.
– Может, дать вам кого-нибудь еще?
– Зачем? Мы же будем под наблюдением «глаза». Надеюсь, что вы больше нас не потеряете.
– Это рискованно, – сказал капитан.
– Это не более рискованно, чем было вчера и сегодня ночью, когда вы не знали, где я

нахожусь и жив ли. Люди Октина Хаша меня не тронут. А от зверей мы как-нибудь убежим.

– Это необходимо? – В голосе капитана было сомнение.

– Да, – сказал Андрей. – До связи.

Жан слышал этот разговор.

– Может, я тоже останусь с вами? – сказал он. Он лежал на откинута пассажирском кресле, доктор массировал ему живот. Жан с наслаждением страдал.

– Не надо, ты же знаешь – тут недалеко.

– Ты прав, – с готовностью согласился Жан. – Недалеко.

Андрей не стал переодеваться. Так и вышел из катера в черной тоге ведьмы. Правда, перетянул тогу серебряным ремнем с бластером на боку, с аптечкой и передатчиком. Теперь Андрей был сильнее любого обитателя планеты... Хотя, впрочем, это не спасло Конрада.

Андрей отошел от катера и поднял руку, прощаясь.

Катер беззвучно и плавно взмыл к редким облакам. Сразу стало слышно, как журчат кузнечики и поют в траве птицы. Кони вышли на сушу и паслись недалеко от берега. Андрей спустился к Белогурочке.

– Все улетели, а ты остался, – сказала Белогурочка равнодушно.

– Я провожу тебя, – сказал Андрей. – Вдвоем лучше.

Он протянул ей большое яблоко.

Степь вновь была бесконечно первобытной и пустой – даже они, сами дикари, были чужими в ней.

– Сладкое яблоко, – сказала Белогурочка.

Андрей снял тогу, постелил на траву и лег. Почему я не взял у кого-нибудь башмаки? – подумал Андрей. Бластер за поясом, передатчик на запястье, а сам босой.

– Я бы и без тебя отвела коней, – сказала Белогурочка.

– Катер прилетит за мной к становищу, – сказал Андрей.

– Может, тебе места не хватило в той машине?

– Может быть.

– А я думала, что боишься за меня.

– На провокационные вопросы не отвечаем, – сказал Андрей.

– Я тебя не поняла. Говори со мной понятно.

– Ты хочешь учиться?

– Я уже все знаю, – сказала Белогурочка.

– Когда сюда прилетит следующая экспедиция, тебя могут послать в Галактический центр.

– Слишком много незнакомых слов. Они мне не нужны.

Она поднялась, закрыв собой солнце. Черный силуэт очертила золотая кайма света. Было жарко, и вода журчала, мирно перекачивая мелкие камешки.

Белогурочка зашла в воду по пояс. Присела, серебряные брызги поднялись веером. Она провела ладошкой по воде, и фонтан водяных искр долетел до Андрея.

Андрей приподнялся на локте.

– Белогурочка, – спросил он, – ты умеешь плавать?

– Нет! – крикнула Белогурочка. – В воде бывают злые рыбы.

Глаза слипались. Засыпая, Андрей подумал, что он бесчувственный чурбан. Он скоро расстанется с этой девушкой и, наверное, навсегда, словно лишь мельком взглянул на нее в толпе. Он не должен спать, он должен беречь каждое мгновение...

Когда Андрей проснулся, солнце уже сошло с зенита. Жара стала томной и неподвижной. Он был весь мокрый от пота. Кожа горела.

Белогурочка сидела на корточках в нескольких шагах и смотрела на него.

– Ты не спала? – лениво спросил Андрей.

– Нет, – сказала Белогурочка.

Андрей поднялся – все тело ломило и ноги не держали. Андрей доковылял до воды, вода была приятно зябкой, мальки бросились во все стороны. Тень водяной змеи скользнула

в глубину.

Андрей не решился плыть по реке. Не хватало еще нарваться на какую-нибудь ядовитую гадину. Он вошел по колени, наклонился и умыл горячее щетинистое лицо.

– Можно идти дальше? – спросил он.

– Можно, – сказала Белогурочка.

Они нашли лошадей, переехали через реку, миновали рощу, где Белогурочка освободила Андрея.

– Если ты возьмешь меня, – сказала Белогурочка, – я буду очень послушная. Я буду варить тебе мясо и охотиться.

– Где охотиться? – не понял Андрей.

– У тебя дома.

– Ценная мысль, – сказал Андрей и улыбнулся, представив себе эту дикую девочку с луком в руке на перекрестке центральных магистралей Космограда.

– Не смейся, – сказала Белогурочка строго.

– Я сам могу охотиться, – сказал Андрей. – У себя дома я знаю, как охотиться. Это только в степи я не все знаю.

– А если ты останешься, ты будешь здесь охотиться.

Андрей не ответил. Они ехали по степной тропе. Пыль поднималась из-под копыт.

– Если ты не хочешь жить со мной, – сказала Белогурочка, – ты можешь жить с моей сестрой. Она тоже красивая. Она будет рада.

– Ты хочешь этого?

– Я хочу, чтобы ты остался.

– А что ты сделаешь, если я соглашусь?

– Я буду рада, – сказала Белогурочка. – А потом я убью мою сестру.

Она была беспредельно откровенна.

– Белогурочка, я не могу остаться здесь – у меня есть мое дело, моя стая, моя охота. Я не могу взять тебя с собой. Там все слишком чужое. Давай больше не говорить об этом.

32

Они миновали руины сгоревшей станции. В руинах возились ребятишки из стаи Белогурочки. Ребятишки узнали Белогурочку и побежали вперед, к становищу.

Становище было там же, в заросшей кустами лощине.

Белогурочка оказалась в кольце женщин, которые расспрашивали ее, потом одна из них зарыдала. Из шатра вышел старый вождь.

Андрей стоял в стороне, возле лошадей. Два подростка, почти воины, взяли лошадей и повели их в кусты. Андрей почувствовал, как беззвучной тенью опускается катер. Катер улегся на траву за его спиной. Оттуда вышел штурман.

– У вас все в порядке? – спросил он.

– Все в порядке, – сказал Андрей.

Надо было что-то сделать. Белогурочка смотрела на него. Рядом стоял ее отец и другие люди ее стаи. Они смотрели на катер и на Андрея.

– Мы вернемся, – сказал Андрей.

Белогурочка перевела его слова отцу.

– Полетели, – сказал Андрей. Он заставил себя пойти к катеру. Что делать Белогурочке в городе? Ее место здесь. Рыбу тоже нельзя вытаскивать из воды, даже если можешь подарить ей отдельный дом на суше.

Андрей оглянулся, помахал Белогурочке рукой, как перед короткой разлукой. Белогурочка сделала шаг к нему и крикнула:

– Андрей!

– До свидания! – сказал Андрей и забрался в катер.

Штурман закрыл люк.

– Грустно расставаться с друзьями? – спросил он. – Мне Жан рассказывал, что она объявила тебя своим мужем. Смешно.

– Смешно, – сказал Андрей, глядя в иллюминатор. Те, кто остался снаружи, были отрезаны непоправимо и навсегда – как в кино. Кусты смыкались вокруг кучки шатров. Катер прижался к земле, прежде чем ринуться в небо. Белогурочка побежала к катеру, но он взмыл вверх, и фигурка ее с поднятой рукой стала быстро уменьшаться. А вокруг расстилалась бесконечная степь, которая подстерегает Белогурочку, которая ждет ее смерти и жаждет ее крови. И завтра Белогурочка пойдет на охоту или столкнется с воинами чужой стаи... И он, Андрей, будет завтра мысленно ехать рядом с Белогурочкой и ждать, когда разойдутся кусты и на нее прыгнет саблезубый тигр или поднимет дубину мрачный питекантроп. И он не будет знать, вернулась ли Белогурочка к своему шатру... Не зная, он послезавтра снова мысленно выйдет с ней в степь, и каждый день образ ящера, прыгающего на нее из кустов, будет тягостной реальностью, отделяющей Андрея от всех остальных людей.

– Обратно, – сказал он сухо штурману.

– Ты что? – удивился тот. – Что-нибудь забыл?

– Обратно, – повторил Андрей, потому что, скажи он еще хоть слово, пришлось бы объяснять, а объяснить было невозможно.

Катер упал с неба к становищу. Андрей видел сквозь иллюминатор, что все люди становища уже разошлись по шатрам. Здесь быстро забываются события и трагедии.

Только Белогурочка стояла на поляне и смотрела вверх.

Белогурочка не двинулась с места, пока катер опускался. Потом, увидев в люке Андрея и все угадав по его лицу, она пошла к нему, сначала очень медленно, словно с трудом, потом отбросила в сторону копье и побежала.

Сама, как будто не впервые, она вошла в катер, села в кресло. Она была спокойна, потому что рядом сидел ее мужчина. Но потом, когда катер поднялся, Белогурочка оробела, отыскивала пальцы Андрея и больно сжала их. И не отпускала до самого корабля.